

Роберт Чарльз Уилсон просто потрясающий рассказчик!
Стивен Кинг

Роберт Чарльз Уилсон ДАРВИНИЯ

Впервые
на русском!

Звёзды новой фантастики

Роберт Уилсон

Дарвиния

«Азбука-Аттикус»

1998

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Уилсон Р. Ч.

Дарвиния / Р. Ч. Уилсон — «Азбука-Аттикус», 1998 — (Звёзды новой фантастики)

ISBN 978-5-389-21202-2

В 1912 году случилось Чудо, и история свернула в новое русло. На месте старой Европы появилась Дарвиния, удивительный континент – обиталище невиданных растений и опаснейших тварей. Люди, те, кто выжил, восприняли Чудо по-разному. Для одних это глобальная катастрофа, для других – акт божественного творения, для третьих – шанс создать новую империю. Молодой фотограф Гилфорд Лоу, уроженец США, где теперь царит религиозный фундаментализм, отправляется на Дарвинию в составе исследовательской экспедиции. Он даже не в силах вообразить, какие испытания поджидают его на этом пути – и какое умопомрачительное открытие ему предстоит совершить... Роман удостоен премии «Аврора» и номинировался на премию «Хьюго». Впервые на русском!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-21202-2

© Уилсон Р. Ч., 1998
© Азбука-Аттикус, 1998

Содержание

Пролог	6
Часть первая	15
Глава 1	15
Глава 2	20
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	46
Глава 8	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Роберт Чарльз Уилсон

Дарвиния

*Посвящается ПНГ и ТНГ, за терпение и хорошие советы,
а также Шоне за веру в мое дело,
а также моим неразоблаченным сообщникам (о ком я, они знают)*

Robert Charles Wilson
DARWINIA

Copyright © 1998 by Robert Charles Wilson
All rights reserved

© И. А. Тетерина, перевод, 2022

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

Пролог

1912 год, март

В ту ночь, когда мир изменился, Гилфорду Лоу исполнилось четырнадцать.

Она стала историческим водоразделом, эта ночь, навсегда расколовшая жизнь на «до» и «после», но сначала был просто день его рождения. Самая обыкновенная мартовская суббота, под безоблачным небом, холодным и глубоким, как зимний пруд. Гилфорд со старшим братом весь день гоняли по двору обручи, выдыхая клубы пара.

На ужин мать подала тушеную свинину с фасолью, блюдо, которое Гилфорд обожал. Мясо с самого утра томилось в духовке, наполняя кухню сладковатыми ароматами имбиря и патоки. Был и подарок: альбом, в котором он будет рисовать картинки. А еще новый свитер, темно-синий, взрослый.

Гилфорд родился в 1898 году – можно сказать, вместе с двадцатым столетием. Младший из троих детей, он больше, чем его брат и сестра, принадлежал к веку, который их родители до сих пор именовали новым. Для него этот век новым не был. Гилфорд прожил в нем практически всю жизнь. Он понимал, как работает электричество. Он даже разбирался в радио. Он был человеком двадцатого века, втайне презиравшим прошлое – пыльное, пропахшее нафталином и пропитанное копотью газовых фонарей. В тех несчастных случаях, когда у Гилфорда заводились деньги, он покупал номер «Современной электрики» и зачитывал его до дыр.

Его семья жила в Бостоне, в скромном доме на окраине. Отец работал наборщиком в типографии. Дед, занимавший комнату на втором этаже рядом с лестницей на чердак, в Гражданскую войну воевал в Тринадцатом Массачусетском полку. Мать стряпала, следила за чистотой, вела семейный бюджет и растила на крохотном огороде томаты и фасоль. Брат, по всеобщему мнению, должен был непременно стать врачом или адвокатом. Сестра, худенькая и тихая, зачитывалась романами Роберта Чамберса. Отец этого не одобрял.

К тому моменту, когда небо вдруг озарилось ослепительным сиянием, Гилфорду уже давно полагалось лежать в постели, но его не отправили спать – то ли по случаю дня рождения, то ли просто потому, что он стал старше. Когда брат закричал, чтобы все скорее бежали к окну, Гилфорд вообще не понял, что происходит, а когда они в полном составе, даже дед, высыпали из кухни на задний двор и застыли, глядя на ночное небо, поначалу решил, что вся эта кутерьма имеет какое-то отношение к празднованию его дня рождения. Впрочем, очень скоро он понял, что это не так. Весь восточный край неба был объят заревом. Наверное, что-то горит, подумал он. Где-то далеко в море.

– Похоже на северное сияние, – не слишком уверенно произнесла мать.

Северное сияние трепетало, точно занавеска на легком ветру, и отбрасывало зыбкие тени на беленую изгородь и по-зимнему бурый сад. Громадная стена света переливалась, становясь то зеленой, как бутылочное стекло, то голубой, как вечернее море, и все это совершенно беззвучно. Прямо как комета Галлея два года тому назад.

Мать, должно быть, тоже вспомнила комету, поскольку сказала в точности те же слова, что и тогда:

– Словно конец света настает...

Почему она так сказала? Почему сплела пальцы и ладонями, как козырьком, прикрыла глаза? Гилфорд, втайне ликовавший, не верил, что это конец света. Сердце у него билось спокойно и ровно. Может, это начало чего-то нового? Не конец света, а зарождение нового мира? Рубеж эпох?

Гилфорд не боялся нового. Зарево на небе не казалось ему жутким. Он верил в науку, которая, как писали в журналах, одну за другой постигает тайны природы, терпеливо и настойчиво преодолевая многовековое невежество человечества. Гилфорд знал, что такое наука. Это всего лишь любопытство – помноженное на самоотверженность и подкрепленное дисциплиной.

Наука была для него умением смотреть – но не просто так смотреть, а пристально вглядываться в вещи, которых не понимаешь. Скажем, смотреть на звезды, не испытывая перед ними страха и не обожествляя их, а один за другим задавая себе вопросы с целью найти тот самый, который станет ключиком к следующему, а потом к следующему за следующим.

Погруженный во все эти размышления, Гилфорд еще долго сидел на выщербленных ступеньках заднего крыльца, когда все уже вернулись в гостиную. Ему было хорошо в одиночестве, тепло в новом свитере, и тонкая струйка пара от его дыхания поднималась в безмолвно полыхающее небо.

В последующие месяцы, годы и столетия будут приведены бесчисленные аналогии. Всемирный потоп, Армагеддон, вымирание динозавров. Но само это событие, пугающие сведения о нем и распространение этих сведений по тому, что осталось от мира людей, не имели ни параллелей, ни прецедентов.

В 1877 году астроном Джованни Скиапарелли нанес на карты каналы Марса. В последующие десятилетия эти карты воспроизводились, дополнялись и воспринимались как непреложный факт – до тех пор, пока с появлением усовершенствованных телескопов не стало понятно, что каналы были иллюзией, если только сам Марс за прошедшее время не успел измениться: такую возможность едва ли стоило полностью сбрасывать со счетов в свете того, что случилось с Землей. Быть может, что-то проникло в Солнечную систему из космоса, точно несомая ветром нитка; что-то эфемерное, но немисливо беспредельное; и это что-то двигалось от внешних краев Солнечной системы к центру, соприкасаясь по пути с холодными отдаленными планетами, проникая сквозь базальт и лед, сквозь застывшую мантию, сквозь всю безжизненную геологию. Изменяя то, с чем соприкасалось. Направляясь к Земле.

Небо наполнилось знаками и знаменами. В 1907-м – Тунгусский метеорит, в 1910-м – комета Галлея. Некоторые люди, подобно матери Гилфорда Лоу, полагали, что близится конец света. Уже тогда.

В ту мартовскую ночь небо над северо-восточными окраинами Атлантического океана пламенело ярче, чем во время визита кометы. Много часов подряд над горизонтом полыхало голубое и фиолетовое зарево. Свет, утверждали очевидцы, был похож на стену. Она простиралась вниз от зенита; граница проходила по воде.

Ее было видно из Хартума (на северном краю неба) и из Токио (еле-еле, далеко на западе).

Над Берлином, Парижем и Лондоном, над всеми европейскими столицами этим зыбким светом было объято все небо. Сотни тысяч людей высыпали на улицы, зачарованные холодным сиянием. Поток телеграфных депеш с описаниями из Европы захлестывал Нью-Йорк до без четверти четырнадцати минут полуночи.

В 23:46 по восточному времени трансатлантический телеграфный кабель внезапно и необъяснимо умолк.

Это была эра легендарных кораблей: Великий Белый флот, лайнеры компаний «Кунард» и «Уайт стар лайн», «Тевтоника», «Мавритания» и прочие имперские мастодонты.

Кроме того, это была заря эпохи беспроводного радиотелеграфа, детища Маркони. Молчание трансатлантического кабеля могло иметь причиной любую из великого множества

простых катастроф. Молчание европейских континентальных радиостанций было куда более зловещим.

Радисты лихорадочно слали сообщения и запросы через холодную, сонную Северную Атлантику. Никто не получал ни сигнала CQD¹, ни нового сигнала бедствия, SOS, ничего такого, что свидетельствовало бы о разыгравшейся в океане драме кораблекрушения, однако некоторые суда таинственным образом перестали выходить на связь, в том числе «Олимпик» компании «Уайт стар» и «Кронпринцессин Цецилия» компании «Гамбург – Америка» – флагманские лайнеры, на которых еще считанные минуты назад толстосумы из десятка различных стран толпились у заиндеветых лееров, чтобы поглазеть на феномен, расцветивший яркими отблесками по-зимнему темную океанскую гладь.

Эффектные и необъяснимые небесные огни внезапно исчезли перед самым рассветом – словно пылающий клинок соскользнул с горизонта. В растревоженных небесах над изрядной частью большого круга² вставало солнце. Море все утро было бурным, ветер порывистым, а временами даже неистовым. Между пятнадцатью градусами к западу от нулевого меридиана и сорока градусами к северу от экватора царил ничем не нарушаемая тишина.

Первым границу области, которую телеграфные агентства Нью-Йорка уже окрестили Стеной Загадок, пересек принадлежавший судоходной компании «Уайт стар» заслуженный лайнер «Орегон», шедший из Нью-Йорка курсом на Куинстаун и Ливерпуль.

Его капитан, американец Тракстон Дэвис, чувствовал важность ситуации, хотя и понимал ее ничуть не лучше остальных. Изобретению Маркони он не доверял. Радиостанция, которой был оснащен «Орегон», представляла собой громоздкий искровой передатчик с дальностью действия от силы в сотню миль. Сообщения, случалось, доходили в искаженном виде; слухи о кораблекрушении нередко бывали преувеличены. Но Дэвису довелось оказаться в Сан-Франциско в 1906 году и бежать по Маркет-стрит что было мочи, спасаясь от пожара, и он слишком хорошо знал, на какие шутки способна природа.

События предыдущей ночи он благополучно проспал. Пассажиры могли сколько угодно глазеть на небо, он же предпочитал уют койки. Разбуженный ни свет ни заря взволнованным радистом, капитан прочитал радиогаммы, затем приказал главному механику поддерживать огонь в котлах, а главному стюарду сварить кофе на весь экипаж. Его тревога еще только поднимала голову, а настрой оставался скептическим. «Олимпик» и «Кронпринцессин Цецилия» находились в считанных часах ходу к востоку от «Орегона». Если поступит настоящий сигнал бедствия, капитан прикажет старшему помощнику вести корабль на выручку, а до тех пор... ну, словом, они будут держать ухо востро.

Все утро Дэвис отслеживал радиогаммы. Это были вопросы и запросы, перемежаемые бодрыми, но взволнованными приветствиями (ДУС – доброе утро, старина!) от крошечного сообщества морских радистов. Беспокойство капитана росло. Заспанные пассажиры, напуганные рокотом взъярившихся вдруг моторов, наседали на него, требуя объяснений. За обедом он сообщил делегации обеспокоенных представителей первого класса, что судно пытается ликвидировать отставание от графика, вызванное ледовой обстановкой, и попросил их воздержаться от отправки радиогамм, поскольку передатчик в ремонте. Стюарды донесли эту ложь до второго и третьего классов. Дэвис по опыту знал, что пассажиры как дети: полны самомнения, но готовы проглотить любую мало-мальски правдоподобную версию, если она способна умерить их атавистический ужас перед морем.

¹ CQD – тревожный сигнал вызова для судов, оборудованных радиоаппаратами компании «Маркони», первый сигнал бедствия в истории радиосвязи.

² *Большой круг* – здесь: круг, получаемый при сечении земного шара воображаемой плоскостью, проходящей через его центр. Навигация по большому кругу позволяет определить кратчайшее расстояние между двумя точками на гипотетическом земном шаре.

К обеду порывистый ветер и волнение улеглись. Сквозь рваную пелену облаков проглянуло бледное солнце.

Ближе к вечеру впередсмотрящий доложил, что северо-восточнее дрейфует какой-то предмет – скорее всего, перевернувшаяся спасательная шлюпка. Дэвис сбавил скорость и подвел лайнер поближе. Он уже было решил приказать, чтобы спускали шлюпки и готовили грузовую сеть, но тут второй помощник опустил подозрную трубу и произнес:

– Сэр, по-моему, это не шлюпка.

Они поравнялись с предметом. Это и впрямь была не шлюпка.

Что беспокоило капитана Дэвиса, так это отсутствие любых догадок о том, что же именно обнаружено.

Объект безжизненно покачивался на волнах, и на его длинных боках играло зимнее солнце. Раздутый исполинский кальмар или осьминог? Часть какого-то существа, это несомненно, да только за двадцать семь лет, проведенных на море, Дэвис не видел ничего похожего.

Рэйф Бакли, молоденький старпом, проводил взглядом тушу, пружинисто ткнувшуюся в скулу «Орегона» и медленно поплывшую к корме, раскручиваясь против часовой стрелки в холодной, спокойной воде.

– Сэр, – спросил он, – что вы об этом думаете?

– Я понятия не имею, что об этом думать, мистер Бакли. – Дорого бы дал капитан за то, чтобы вообще не увидеть этой диковины. – Похоже на... Ну, в общем, на какого-то червя.

Существо и в самом деле было суставчатым, кольчатым, как червь. Но назвать его червем означало допустить существование червя настолько огромного, что он мог бы проглотить трубу «Орегона». И уж точно никакой червь не похвастается наличием рваных кружевных отростков – плавников? жабр? – вроде тех, что торчали из этой туши на равных расстояниях друг от друга. Да и окрас, густо-розовый и маслянисто-синий, как у утопленника... И голова... Конечно, если эту острозубую и безглазую утробу можно назвать головой.

Миновав корму, червь перевернулся и открыл взглядам глянцевитое белое брюхо, уже объеденное акулами. Пассажиры высыпали на прогулочную палубу, но зловоние вскоре заставило всех, кроме самых стойких, ретироваться вниз.

Бакли огладил усы:

– И что, во имя всего святого, мы им скажем?

«Скажи им, что это морское чудище, – подумал Дэвис. – Или кракен. Может, это и в самом деле так».

Но Бакли ждал серьезного ответа.

Дэвис долго смотрел на встревоженного старпома.

– Чем меньше будет сказано, – произнес он, – тем лучше.

Море кишело загадками. Потому-то Дэвис и ненавидел его.

«Орегон» первым вошел в гавань Корк-Харбор, двигаясь в холодных лучах восходящего солнца без береговых огней и фарватерных знаков. И те и другие отсутствовали. Судно встало на якорь вблизи острова Грейт-Айленд, там, где находились доки и крупный порт Куинстаун.

Вернее, там, где им полагалось находиться.

Факт, который не укладывался в голове, заключался в том, что никакого города на берегу словно и не было никогда. Гавань пребывала в первозданном состоянии. Там, где должны были лежать улицы Куинстауна – царства грузовых лебедек, стивидоров, грузоотправителей и ирландских эмигрантов, – темнел девственный лес, подступавший вплотную к скалистому берегу.

Сей факт был столь же бесспорным, сколь и невероятным, и при одной мысли об этом у капитана Дэвиса голова шла кругом, а к горлу подкатывала тошнота. Ему очень хотелось

верить, что штурман по ошибке привел судно в какую-нибудь дикую бухту или вообще к другому континенту, но характерные очертания острова и затянутое облаками побережье графства Корк решительно невозможно было спутать ни с чем другим.

Это были Куинстаун, Корк-Харбор и Ирландия, вот только все следы человеческой цивилизации словно корова языком слизнула.

– Но этого же не может быть, – сказал он Бакли. – Не хочу говорить очевидные вещи, но суда, которые вышли из Куинстауна всего шесть дней тому назад, стоят сейчас в порту в Галифаксе. Я бы еще понял, случись землетрясение или цунами и мы бы обнаружили город в руинах, но чтобы такое!

Всю ночь Дэвис провел в обществе старпома на капитанском мостике. Пассажиры, проснувшиеся от того, что замолкли моторы, снова начали собираться на палубе. Наверняка у них возникла масса вопросов. Но сделать тут ничего было нельзя; у Дэвиса не было для них ни объяснения, ни утешения, даже какая-нибудь успокоительная ложь не приходила на ум. С северо-запада подул промозглый ветер. Холод вскоре даже самых стойких погонит искать укрытие. Быть может, за ужином Дэвис обнадежит пассажиров, если найдет способ.

– И зелень, – произнес он вслух, не в силах ни отогнать, ни хотя бы заглушить пугающие мысли. – Слишком много ее для этого времени года. Откуда в марте может взяться столько зелени, чтобы она поглотила ирландский город?

– Это совершенно неестественно, – пробормотал Бакли.

Они переглянулись. Заявление старпома было настолько очевидным и патетическим, что Дэвис с трудом удержался от смеха. Он выдавил нечто отдаленно похожее на ободряющую улыбку.

– Пожалуй, завтра отправим небольшую экспедицию, чтобы обследовать береговую линию. А пока лучше не строить никаких догадок... Тем более что у нас это не очень хорошо получается.

Бакли слабо улыбнулся в ответ:

– Скоро начнут подходить другие суда...

– И тогда мы убедимся, что не сошли с ума?

– Ну да, сэр. По-другому и не скажешь.

– А до тех пор предлагаю действовать осмотрительно. Главное, чтобы радист не сказал ничего лишнего. Мир и так скоро обо всем узнает.

Они некоторое время молча смотрели в холодную утреннюю серость. Стюард принес им по кружке дымящегося кофе.

– Сэр, – нерешительно начал Бакли, – у нас не хватит угля, чтобы вернуться в Нью-Йорк.

– Ну, есть же и другие пор...

– Если в Европе еще остались другие порты.

Дэвис сдвинул брови: такая мысль ему в голову не приходила. Наверное, бывают вещи слишком чудовищные, чтобы их могла вместить человеческая голова.

Он распрямил плечи:

– Мы судно компании «Уайт стар», мистер Бакли. Нас не бросят на произвол судьбы, даже если придется отправить сюда углевоз из Америки.

– Да, сэр. – Бакли, который совершил когда-то ошибку, решив изучать богословие, с мольбой посмотрел на капитана. – Сэр... по-вашему, это какое-то чудо?

– Скорее уж трагедия. Во всяком случае, для ирландцев.

Рэйф Бакли верил в чудеса. Сын методистского священника, он вырос на историях о Моисее, неопалимой купине, воскрешенном Лазаре, умножении хлебов и рыб. И тем не менее он никогда не надеялся увидеть чудо собственными глазами. Чудеса, как и рассказы про при-

видения, вызывали у него беспокойство. Бакли предпочитал, чтобы чудеса оставались на страницах Библии – эту книгу, к стыду его так ни разу и не открытую, он хранил в своей каюте.

И теперь, когда чудо окружало его со всех сторон, от горизонта до горизонта, он чувствовал себя так, будто под ногами разверзлась земля. За всю ночь практически не сомкнул глаз. Утром из зеркала на него смотрело бледное красноглазое лицо, а бритва дрожала в руке. Чтобы обуздать нервы, он проглотил изрядное количество черного кофе и запил его виски из фляги, а потом, выполняя распоряжение капитана, спустил на воду баркас и во главе группы взбудораженных матросов отправился к галечному пляжу острова, который прежде именовался Грейт-Айлендом. Ветер свежел, море волновалось, с севера надвигались клочья сизых дождевых туч.

Капитан Дэвис хотел знать, можно ли в случае необходимости высаживать пассажиров на берег. Бакли в этом сомневался с самого начала; сегодня же сомнения окрепли. Он помог пришвартовать баркас, чтобы не унесло приливом, и направился вглубь острова. Ноги у него промокли, плащ, волосы и усы были в соленых брызгах. Пятеро мрачных бородатых матросов молча двинулись следом по каменистому берегу. Возможно, здесь и правда только что стоял Куинстаун, но Бакли чувствовал себя Колумбом или Писарро на новом континенте, покрытом первобытным лесом. Этот лес темнел впереди – безбрежный, маняще-грозный, – и от его вида Бакли было очень не по себе. Он приказал матросам остановиться задолго до того, как они дошли до деревьев.

Бакли про себя называл их деревьями, но даже с капитанского мостика «Орегона» было видно, что это растения, каких он раньше не смог бы и вообразить: исполинские голубые или ржаво-красные стебли, из которых во все стороны плотными пучками щетинятся иглы. Некоторые стебли скручивались наверху в спираль, точно молодые побеги папоротника, или распускались колокольчиком, или увенчивались луковичеобразным наростом, похожим на купол турецкой мечети. Промежутки между этими растениями были узкими и темными, как барсучьи норы, и заполнены густым туманом. В воздухе пахло сосновой хвоей, но с какой-то посторонней ноткой, горькой и непонятной, напоминавшей то ли мяту, то ли камфару.

Эти заросли не походили на нормальный лес ни видом, ни запахом, ни – что, пожалуй, было хуже всего – шумом. Настоящий лес в ветреный день – лес его детства в штате Мэн – полнился потрескиванием веток на морозе, или шорохом дождя в листве, или другими такими же уютными звуками. Но здешний лес был совсем не таков. Эти деревья, должно быть, полые внутри, подумалось Бакли. Несколько колод, замеченных на берегу, были пустотелыми, как бамбук, и каждый порыв ветра извлекал из них тихие протяжные стоны. А пучки иголок негромко клацали, как деревянные колокольчики. Или кости.

От одного этого звука Бакли охватило жгучее желание повернуть назад. Но у него был приказ. Он совладал с собой и повел маленькую экспедицию по каменистому берегу вперед, к краю этого неземного леса; там пришлось идти сквозь желтые стебли тростника по колено высотой, торчащие из твердой черной земли. Наверное, стоило бы воткнуть в эту землю флаг... вот только чей? Точно не звездно-полосатый американский и даже не британский «Юнион Джек». Может, красный с белой звездой флаг «Уайт стар лайн»? «Именем Господа и Джона Пирпонта Моргана провозглашаем эту землю нашей!»

– Смотрите под ноги, сэр, – предостерег его шагавший следом матрос.

Бакли поспешил опустить голову и успел заметить какую-то тварь, бросившуюся наутек из-под его левого сапога. Бледная и многоногая, длиной с угольную лопату, она с пронзительным криком скрылась в зарослях тростника, напугав Бакли до полусмерти.

– О господи! – воскликнул он. – Это уже слишком! Высаживать здесь пассажиров было бы безумием. Я доложу капитану Дэвису...

А матрос по-прежнему неподвижно глядел вниз.

Бакли неохотно опустил взгляд снова.

И увидел вторую тварь, похожую на многоножку, только с анаконду толщиной и такого же тошнотворно-желтого цвета, как трава. Видимо, защитная окраска – явление в природе распространенное. Это было даже любопытно – жутко, но любопытно. Бакли отступил на полшага, опасаясь, как бы тварь не дернулась.

Она и дернулась, но вовсе не так, как он ожидал. Точно резко отпущенная пружина, бросилась к нему и в следующий миг обвилась вокруг ноги. Бакли тотчас ощутил жар чуть выше колена, где тварь острием своей кинжалообразной морды проколола ткань брюк и кожу.

Она его укусила!

Бакли вскрикнул и затряс ногой. Потом заозирался в поисках ножа, или палки, или любого предмета, при помощи которого можно было бы оторвать от себя это чудище. Но вокруг не было ничего, кроме бесполезной сухой травы.

Существо вдруг сползло с человеческой ноги, как будто ему не понравился вкус, и скрылось в зарослях.

Бакли, овладев собой, обернулся к помертвевшим от ужаса матросам. Нога болела не сильно. Он сделал несколько глубоких вдохов, намереваясь сказать подчиненным что-нибудь ободряющее, велеть им, чтобы не трусили, но потерял сознание, не успев произнести ни единого слова.

Матросы дотащили его до баркаса и переправили на «Орегон». Его ноги, которая уже начала опухать, они старались не касаться.

После обеда на мостик прорвались пятеро пассажиров второго класса с требованием отпустить их с судна. Ирландцы, они узнали Корк-Харбор даже в этом видоизмененном облике; на суше у них остались семьи, и они хотели отправиться на поиски выживших.

Капитан, уже успевший выслушать донесение разведчиков, сильно сомневался, что эти пятеро успеют продвинуться хотя бы на несколько ярдов вглубь острова, прежде чем суеверный страх, если не эта невиданная природа заставит их повернуть назад. Дэвис убедил пассажиров вернуться в каюты, но далось ему это совсем нелегко. Охваченный беспокойством, он раздал старшим офицерам пистолеты и спросил у радиста, когда должны подойти другие суда.

– Скоро, сэр. Сухогруз «Канадиан пасифик» меньше чем в часе от нас.

– Отлично. Передайте, что мы их ждем... и постарайтесь аккуратно подготовить к тому, что они тут увидят.

– Есть, сэр. Но...

– Что – но?

– Я не знаю, как это сформулировать. Все это так странно.

Дэвис положил ладонь радисту на плечо:

– Никто ничего не понимает. Я сам напишу текст.

Рэйфа Бакли лихорадило, но к ужину опухоль спала, чувствовал он себя сносно, поэтому охотно принял приглашение составить Дэвису компанию за капитанским столиком.

Ел Бакли умеренно, обильно потел и, к разочарованию Дэвиса, был немногословен. Капитан очень рассчитывал услышать рассказ о том, что офицеры уже между собой называли Новым Светом. Ведь Бакли не только побывал на этой неизведанной земле, но и попал на зуб к одному из представителей ее животного мира.

Однако, даже не доев ростбиф, Бакли с трудом поднялся и на нетвердых ногах вернулся в лазарет, где, к изумлению капитана, через полчаса после полуночи умер. Поражение печени, предположил корабельный врач. Возможно, какой-то новый токсин. Без вскрытия сложно сказать.

«Все это сон, – думал Дэвис, – какой-то дикий кошмарный сон».

Он отправил судам, которые уже подходили к Куинстауну, Ливерпулю и французским портам, радиogramму с известием о гибели одного из членов экипажа и советом не высаживаться на берег без сапог-заколенников и оружия.

Когда из лавины панических сообщений и призывов о помощи начала вырисовываться чудовищная картина произошедшего, «Уайт стар» послала из Нью-Йорка и Галифакса суда с углем и провиантом. С лица земли исчез не только Куинстаун; не осталось Ирландии, Англии, Франции, Германии, Италии... ничего, кроме девственных лесов, тянувшихся на север от Каира и как минимум до русских степей на восток, словно поверхность планеты рассекли и в рану вживили какой-то чуждый организм.

Дэвис отправил телеграмму отцу Рэйфа Бакли в Мэн. Это была тяжкая повинность, но, подумалось ему, и траур будет ох как далек от обычного. А очень скоро в траур погрузится весь мир.

1912 год, август

Позднее – в те смутные времена, когда число бедных и бездомных катастрофически возросло, когда уголь и нефть стали стоить баснословных денег, когда в Бостоне начались хлебные бунты и мать и сестра Гилфорда на время – неизвестно, на сколько именно – перебрались к тетке в Миннесоту, Гилфорд стал часто бывать с отцом в типографии.

Оставлять мальчика дома одного было нельзя; школа закрылась, когда везде случился коллапс, а денег, чтобы нанять женщину, которая за ним присматривала бы, у отца не было. Поэтому Гилфорд ходил с ним на работу и учился азам изготовления клише и литографских камней, а в долгих перерывах между оплачиваемыми заказами перечитывал журналы по радиотехнике и гадал, воплотятся ли в реальность грандиозные проекты из области беспроводной связи, порожденные воображением писателей: смогут ли в Америке возобновить производство вакуумных трубок де Фореста, или же эпохе великих изобретений пришел конец.

Он часто слушал отцовские разговоры с двумя оставшимися в типографии работниками, гравером франко-канадского происхождения по фамилии Волет и мрачным русским евреем Комински. Разговоры эти, как правило, велись вполголоса и обыкновенно были невеселыми. Печатники беседовали так, будто Гилфорда рядом не было.

Они говорили о крахе фондового рынка и забастовке угледобытчиков, о трудовых отрядах и продовольственном кризисе, о растущих ценах практически на все.

Они говорили о Новом Свете, о новой Европе, о девственных лесах, занимавших теперь значительную часть карты.

Они говорили о президенте Тафте и о бунте конгресса; о лорде Китченере, правившем остатками Британской империи из Оттавы; о конкурирующих папствах и колониальных войнах, раздирающих владения Испании, Германии и Португалии.

Очень часто затрагивали религию. Отец Гилфорда по рождению принадлежал к епископальной церкви, а женившись, перешел в унитарянство – словом, никаких твердых догматических взглядов не придерживался. Волет, католик, называл преобразование Европы образцовым чудом. Комински в этих спорах чувствовал себя неуютно, но охотно соглашался, что Новый Свет является результатом Божественного вмешательства, ибо чем еще это может быть?

Гилфорд старался не влезать и не комментировать. От него не ждали не то что участия в этих спорах, но даже наличия собственного мнения. В глубине души же он считал, что все эти разговоры о чудесах бессмысленны. Разумеется, преобразование Европы – самое настоящее чудо практически в любом значении этого слова: непредвиденное, необъяснимое и безусловно не укладывающееся в рамки законов природы.

Но так ли оно на самом деле?

У этого чуда не было авторства. Бог не возвещал о нем с небес. Оно просто взяло и случилось. Его предвестниками стали загадочные огни в небе, а также необычные погодные явления – Гилфорд читал про торнадо в Хартуме – и тектонические процессы: разрушительное землетрясение в Японии и, по слухам, еще более серьезные события в Маньчжурии.

Для чуда, думалось Гилфорду, подозрительно много побочных эффектов; настоящему чуду следует быть аккуратным и завершенным. Но когда отец привел подобные возражения, Комински презрительно фыркнул:

– Взять хоть Всемирный потоп, – сказал он. – Его никак нельзя назвать аккуратным. Или разрушение Содома. А жена Лота превратилась в соляной столп. Есть в этом какая-нибудь логика?

Пожалуй, ее не было.

Гилфорд подошел к глобусу, который отец держал на рабочем столе. Первые робкие газетные иллюстрации изображали кольцо, нанесенное на старые карты. Это кольцо надвое рассекало Исландию, огибало южную оконечность Испании, полукругом отхватывало верхушку Северной Африки, пересекало Святую землю и далее широкой дугой уходило через русские степи на север, за Полярный круг. Гилфорд приложил к Европе ладонь, накрыв старинные обозначения. *Terra incognita*. Газеты корпорации Херста, чуткие к национальному подъему религиозного духа, иногда в шутку именовали новый континент Дарвинией, намекая на то, что чудо разрушило все основы естествознания.

На самом же деле все не так. Гилфорд очень твердо в это верил, хотя и не отваживался высказывать свое мнение вслух. Никакое это не чудо, а загадка. Необъяснимая, но, возможно, не принципиально необъяснимая.

Все эти массивы суши, океанские глубины, горы, ледяные пустыни, неузнаваемо преобразившиеся в одночасье... Об этом даже думать страшно, а еще страшнее воображать неведомые земли, которые ты накрыл ладонью. Сразу лезут в голову мысли о собственной хрупкости.

Загадка. И как любая загадка, она ждет вопросов. Вопросы, напоминающих ключи, на ощупь вставляемые в упрямый замок.

Гилфорд закрыл глаза и убрал руку. Он представил себе территории, с которых дочиста стерты целые страны, и легенды карт, заново переписанные на неведомом языке.

Загадки, бесчисленные загадки.

Но как ты задашь вопрос континенту?

Часть первая

Весна и лето 1920 года

Лицемеры! различать лице неба вы умеете, а знамений времен не можете.

Матфей 16: 3

Глава 1

Со временем члены экипажей уцелевших пароходов придумали собственные истории – небылицы, несколько не соответствующие действительности, и к тому моменту, когда «Оденсе» пересек пятнадцатый меридиан, Гилфорд Лоу успел услышать большинство из них.

Пьяный стюард поведал ему о месте, где встречались два океана: старая Атлантика двух Америк и новая Атлантика Дарвинии. Граница между ними, по словам стюарда, четкая, как грозовой фронт, и вдвое коварнее. Один океан стал вязким, точно масло, и живые существа, пытавшиеся пересечь линию раздела, неминуемо погибают. Вся прилегающая зона усеяна трупами животных, известных и неведомых: дельфинов, акул, китов-полосатиков и голубых китов; угреоидов, морских бочонков, рыб-пузырей и рыб-бабочек. Они покачиваются на волнах, устремив в небо белесые невидящие глаза, бок к боку, нос к хвосту. В ледяной воде трупы сохраняются до жути долго, служа мрачным предостережением опрометчивым судам, что отважились вторгнуться в их плотные зловонные ряды.

Гилфорд прекрасно знал, что эта история – всего лишь миф, страшилка для легковверных. И все же, как и в любой миф, услышанный в должный момент, в него было несложно поверить. Гилфорд облокотился на потускневший от морской соли планшир. Ветер сдувал с волн ключья пены, но на западе облака расползлись, и закатное солнце простерло над водой длинные пальцы. Где-то за восточным горизонтом, пугая и маня обещанием нового мира, лежала преображенная Европа, невероятный континент, который в газетах все еще именовали Дарвинией. Быть может, под килем парохода и не шныряли рыбы-пузыри, а берега всех материков омывали одинаковые соленые воды, но Гилфорд знал, что пересек вполне реальную границу и что центр гравитации неуклонно смещается от привычного к неведомому.

Он отошел от леера. Ладони у него были такие же ледяные, как латунная переключина, за которую он только что держался. За свои двадцать два года он ни разу не бывал в море – до прошлой пятницы. Слишком долговязый, чтобы стать хорошим моряком, Гилфорд терпеть не мог передвигаться по тесным лабиринтам «Оденсе», который до Чуда много лет исправно перевозил пассажиров под флагом датской паромной компании, и предпочитал проводить время в каюте с Каролиной и Лили, а если не слишком холодно, то на палубе. Пятнадцатый меридиан был западной кромкой огромного круга, расщепившего земной шар на две части, и Гилфорд очень надеялся, что ему удастся хотя бы краешком глаза взглянуть на водный мир Дарвинии. Пусть это будут не тысячи мертвых угреоидов, «спутанных, точно волосы утопленницы», а хотя бы морской бочонок, вынырнувший на поверхность, чтобы наполнить воздухом легочные мешки. Вот бы увидеть хоть что-нибудь, что скажет о близости нового континента, пусть даже простую рыбу. Впрочем, Гилфорд отдавал себе отчет в том, что это наивно, и из всех сил старался утаить страстное желание от товарищей по экспедиции.

Внизу, под палубой, было тесно и парко. Гилфорду с семьей отвели крохотную каюту в средней части парохода; Каролина выходила из нее крайне редко. На нее накинута морская болезнь, едва «Оденсе» вышел из Бостона. Теперь уже легче, упрямо твердила Каролина, но

Гилфорд видел, что жене плохо, что у нее дурное настроение, хотя она сама практически в приказном порядке настояла на том, чтобы отправиться в путешествие.

И тем не менее каждый раз, входя в каюту, Гилфорд словно заново переживал тот миг, когда влюбился в нее. Выпрямив спину, Каролина сидела на краю койки и расчесывала волосы медитативными движениями, повторявшими изгиб ее шеи, проводя перламутровой щеткой от корней до кончиков. Ее большие глаза были полуприкрыты. Она походила на принцессу в опиумном забытии: отрешенная, мечтательная, всегда печальная. Просто красавица, подумалось Гилфорду. И снова возникло желание сфотографировать ее. Незадолго до свадьбы он уже пытался сделать портрет жены, но результат его не удовлетворил. Сухие фотопластинки не могли передать все нюансы выражения ее лица, всю роскошь волос, эти бесчисленные оттенки черного.

Он присел рядом, подавив соблазн прикоснуться к ее обнаженному плечу в вырезе домашней кофты. В последнее время Каролина не слишком-то благосклонно относилась к его прикосновениям.

– От тебя пахнет морем, – сказала она.

– А где Лил?

– Вышла в уборную.

Гилфорд потянулся поцеловать жену. Каролина покосилась на него и подставила щеку. Щека была прохладная.

– Пора одеваться к ужину, – произнесла женщина.

Пароход был объят тьмой. Тусклого света редких электрических лампочек не хватало, чтобы изгнать сумрак из узких коридоров, отчего они казались еще уже. Гилфорд привел Каролину и Лили в полутемное помещение, служившее салоном. Там за столом судового врача, тучного датчанина, питавшего чрезмерное пристрастие к выпивке, собралась горстка ученых.

Натуралисты спорили о таксономии. Доктор разглагольствовал о сыре.

– Но если мы заново создадим всю линнеевскую систему классификации...

– Это именно то, чего требует ситуация!

– ...Сложно будет удержаться от искушения выдвинуть гипотезу о родстве и взаимосвязи отдельных видов...

– Гьедсар! В те времена мы ели гьедсар даже на завтрак! Апельсины, ветчина, колбаса, ржаной хлеб с красной икрой! Вот это я понимаю, настоящий *frokost*³. Не то что эти жалкие крохи. О! – Доктор заметил Гилфорда. – А вот и наш фотограф с семейством. Прелестная сударыня! Юная барышня!

Ужинавшие потеснились, освобождая места за столом. Гилфорд уже подружился с натуралистами, в особенности с ботаником по фамилии Салливан. Каролина, хотя и скрашивала своим присутствием застолья, крайне редко принимала участие в общей беседе. Зато Лили успела завоевать все сердца. Ей не было еще и четырех, но мать обучила ее основным правилам этикета, и против ее любознательности ученые ничего не имели... за исключением разве что Престона Финча, начальника экспедиции, который терпеть не мог детей. Но Финч сидел на противоположном конце длинного деревянного стола, всецело завладев вниманием соседа, гарвардского геолога. Лили устроилась рядом с матерью и принялась аккуратно разворачивать салфетку. Ее макушка едва виднелась над столешницей.

Доктор расплылся в улыбке – Гилфорд не преминул отметить, что он уже слегка пьян.

– Наша маленькая Лилиан, кажется, голодна. Будешь свиную отбивную, Лили? Да? Не бог весть что, но есть можно. С яблочным соусом?

Лили кивнула, стараясь не морщиться.

³ Обед (дат.).

– Прекрасно. Прекрасно. Лили, мы уже наполовину переплыли это огромное море. Преодолели полпути до Европы. Ты рада?

– Да, – послушно отозвалась девочка. – Но мы с мамой плывем только до Англии. В Европу папа поплывет один, без нас.

Малышка, как и большинство людей, привыкла различать Европу и Англию. Хотя Чудо преобразило Англию точно в той же степени, что и Германию с Францией, англичанам удалось вернуть часть своих прежних территорий, заново отстроить Лондон и морские порты и сохранить контроль над флотом.

Престон Финч на другом конце стола начал прислушиваться к разговору, презрительно кривя губы под жесткой щеткой усов.

– Ваша дочь проводит ложное разграничение, мистер Лоу.

Застольные разговоры на «Оденсе» были не такими оживленными, как ожидал Гилфорд. Отчасти причина крылась в самом Финче, авторе «Явления и откровения», канонического текста, который был написан еще до Чуда 1912 года и положил начало ноеву натурализму. Седой, высокий и начисто лишенный чувства юмора, Финч едва не лопался от сознания собственной важности. Его репутация в профессиональном мире была безупречной; он провел два года на берегах рек Колорадо и Руж, собирая доказательства того, что Всемирный потоп имел место в действительности, а после Чуда стал ключевой фигурой в движении ноева возрождения. Остальные ученые в той или иной степени имели вид раскаявшихся грешников, за исключением ботаника, доктора Салливана, который был старше Финча и потому считал свое положение достаточно прочным, чтобы иногда поддразнивать корифея цитатами из Уоллеса или Дарвина. Раскаявшиеся эволюционисты, чьи заслуги выглядели куда скромнее, вынуждены были вести себя более осмотрительно. В целом положение вещей не способствовало непринужденной дискуссии.

Сам Гилфорд за столом чаще помалкивал. Фотографу не по чину высказывать свое мнение по научным вопросам, и, пожалуй, оно и к лучшему.

Судовой врач бросил на Финча насупленный взгляд и попытался завладеть вниманием Каролины.

– Вы уже знаете, где остановитесь в Лондоне, миссис Лоу?

– Мы с Лили будем жить у родственников, – отвечала та.

– Вот как! Английский кузен! Солдат, охотник или лавочник? Нынче в Лондоне всего три категории людей.

– Вы определенно правы. Они держат скобяную лавку.

– А вы отважная женщина. Жизнь на новых землях...

– Это всего лишь на время, доктор.

– Пока мужчины будут охотиться на снарков! – (Несколько ученых недоумевающе воззрились на врача.) – Льюис Кэрролл! Англичанин! Вас что, совсем ничему не учили?

Молчание. Наконец заговорил Финч:

– Европейские авторы в Америке не в чести, доктор.

– Ну разумеется. Прошу прощения. Человеку свойственна забывчивость – если этому человеку повезло. – Врач с вызовом посмотрел на Каролину. – Лондон был одним из крупнейших городов мира. Вы знаете об этом, миссис Лоу? Ничего общего с той дырой, в которую он превратился. Сплошные лачуги, уборные и грязь. Эх, как бы я хотел показать вам Копенгаген! Что за город! Вот где была цивилизация!

Гилфорду доводилось встречать людей вроде этого врача. В Бостоне такого можно увидеть в любом прибрежном кабаке. Очередной, чудом уцелевший европеец, мрачно пьющий за Лондон, Париж, Прагу или Берлин, ищущий, к какому бы клубу прибиться, в какой бы орден вступить, где бы услышать родную речь, даром что все эти города, клубы и ордены теперь мертвы или умирают.

Каролина ела молча, и даже Лили притихла. Все за столом прониклись смутным пониманием того, что половина пути преодолена и впереди замаячило нечто неизведанное и загадочное, разом отодвинув на задний план унылую предсказуемость Вашингтона или Нью-Йорка. Только Финчу, казалось, все было нипочем. Распалаясь, он вел дискуссию о значении кремнистых сланцев с любым, кто готов был его слушать.

Впервые Гилфорд увидел Престона Финча в редакции бостонского издательства «Аттикус и Пирс». Весь последний год Гилфорд провел на западе вместе с Уолкоттом, в роли штатного фотографа, на геодезических съемках в бассейне реки Галлатин и каньоне Дип-Крик. Финч собирал экспедицию для картирования внутренних районов Южной Европы, и у него были богатые покровители и поддержка Смитсоновского института, и ему требовался опытный фотограф. Гилфорд годился, поэтому Лиам Пирс и представил его Финчу. Хотя не стоило сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что Пирс приходился Каролине родным дядей.

Откровенно говоря, Гилфорд подозревал, что Пирс попросту хотел на некоторое время спровадить его из города. Успешный книгоиздатель не очень-то ладил с мужем племянницы, хотя Каролину оба искренне любили. Тем не менее Гилфорд был признателен старику за возможность посетить новый мир. Оплата по нынешним меркам вполне достойная, а еще возможность заработать какую-никакую репутацию. К тому же европейский континент всегда манил Гилфорда. Были прочитаны от корки до корки не только отчеты экспедиции Доннегана (окрестности Пиренеев, Бордо и Перпиньян, 1918 год), но и – тайком – вся дарвинианская фантастика в журналах «Аргоси» и «Олл-стори уикли», в особенности за авторством Эдгара Берроуза.

Но вот на что Пирс никак не рассчитывал, так это на то, что Каролина заупрямится. Она наотрез отказалась оставаться с Лили второй раз, даже на сезон; не подействовали и настойчивые предложения нанять ей в помощь прислугу и дать вдоволь денег на проживание. Гилфорду тоже не слишком хотелось расставаться с женой, но эта экспедиция могла стать поворотным моментом в его карьере, ступенькой в безбедное будущее. Однако Каролина и слушать ничего не желала. Она грозилась – хотя это было против всякой логики – уйти от него. Гилфорд спокойно и терпеливо приводил свои аргументы, но она стояла намертво.

В конце концов супруги пошли на компромисс. Пирс оплатит Каролине путешествие до Лондона, где она поживет у родных, а Гилфорд отправится дальше, на континент. В момент Чуда ее родители гостили в Лондоне, и она заявила, что хочет увидеть место их гибели.

Разумеется, говорить, что люди погибли в момент Чуда, было не принято. Предпочитались выражения «их забрали», «ушли в мир иной», как будто какая-то сила в единый миг вознесла их на небеса. Впрочем, как знать? Возможно, именно так и случилось. Но факт оставался фактом: несколько миллионов человек попросту исчезли с лица земли вместе со своими городами и селениями, вместе с флорой и фауной, и Каролина не собиралась прощать это Чуду.

Гилфорду стало немного не по себе на борту «Оденсе», когда выяснилось, что только он взял с собой жену и ребенка, однако никто не выказывал недовольства по этому поводу, а Лили мигом сделалась всеобщей любимицей. Поэтому он решил считать себя счастливым.

После ужина общество разделилось: судовой врач отправился коротать вечер в компании бутылки ржаного канадского виски; ученые перебрались в курительную комнату, чтобы играть в карты за выдавшими виды ломберными столиками; Гилфорд же вернулся в каюту, чтобы прочитать Лили на ночь главу из славной американской сказки «Волшебник страны Оз». С тех пор как сказки Андерсена и братьев Гримм впали в немилость за то, что были проникнуты тлетворным духом Старой Европы, их нишу заняли книги Фрэнка Баума. Малышка Лили, к счастью, не знала о том, что за книгами стоит политика, она просто обожала Дороти. Гилфорду и самому успела полюбовиться отважная девочка из Канзаса.

Наконец Лили откинулась на подушку и закрыла глаза. Глядя, как она засыпает, Гилфорд растерялся на миг под натиском неожиданных мыслей. До чего же странная штука жизнь! И как только он умудрился оказаться на борту парохода, идущего в Европу? Возможно, это не такой уж и разумный шаг с его стороны.

Впрочем, пути назад, разумеется, уже нет.

Он лучше укрыл Лили одеялом, выключил свет и присоединился к Каролине. Она уже спала, лежа к нему спиной. Гилфорд прильнул к ней, всем телом впитывая ее тепло, и уснул, убаюканный мерным гулом двигателей.

Проснулся с рассветом, ощущая смутное беспокойство. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить жену с дочкой, оделся и выскользнул из каюты.

Холод на палубе пробирал до костей, утреннее небо сияло фарфоровой голубизной. Лишь несколько полупрозрачных облачков висело над восточным горизонтом. Гилфорд стоял у фальшборта, ловя лицом ветер и не думая ни о чем определенном, пока к нему не присоединился молодой офицер. Он не представился и не назвал чина, лишь молча улыбнулся, отдавая дань невольному товариществу двух человек, бодрствующих на рассвете.

Некоторое время они молча смотрели на небо. Потом моряк повернул голову и сказал:

– Мы уже близко. Ветер доносит запахи, чувствуете?

Гилфорд нахмурился в ожидании очередной страшной байки.

– Что за запахи?

Тягучий акцент выдавал в моряке американца, уроженца штата Миссисипи.

– Тут и корица, и зимолюбка, и еще что-то незнакомое. Какая-то пряность из краев, где никогда не ступала нога белого человека. Закройте глаза, так лучше ощущается.

Гилфорд послушно закрыл глаза и потянул носом. Холодный воздух немедленно обжег ноздри. Будет просто чудо, если уловится хоть слабейший запах на таком ветру. И все же...

Что это? Гвоздика? Кардамон? Ладан?

– Чем это пахнет?

– Новым миром, дружище. Каждым его деревом, каждой рекой, каждой горой, каждой долиной. Это запах целого континента, который ветер несет через океан. Чувствуете?

Гилфорд вроде бы чувствовал.

Глава 2

Элино́р Сандерс-Мосс оказалась в точности такой, какой Элиас Вейл ее себе представлял: пышногрудая, не первой молодости южанка из аристократической семьи. Прямая спина, вздернутый подбородок, стекающие с шелкового зонта струи дождевой воды, чувство собственного достоинства на руинах молодости. Свой двухколесный экипаж она оставила у обочины: по всей видимости, автомобильный ренессанс обошел ее стороной. Чего отнюдь нельзя было сказать о возрасте миссис Сандерс-Мосс. На ее лице залегли гусиные лапки прожитых лет и следы душевной тревоги. Морщинки замаскировать было уже невозможно; тревогу она явно пыталась скрыть.

– Элиас Вейл? – спросила она.

Он улыбнулся, демонстрируя такую же, как и у нее, сдержанность в стремлении выйти победителем из этой схватки характеров. Каждая пауза – очко в его пользу. Он достиг в этом искусстве немалых высот.

– Миссис Сандерс-Мосс, – произнес он наконец. – Прошу вас, проходите.

Она переступила порог, сложила зонтик и без церемоний бросила его в подставку в виде слоновьей ноги. Вейл затворил дверь, и посетительница сощурилась. Он предпочитал полумрак. В пасмурные дни вроде сегодняшнего глазам требовалось время, чтобы привыкнуть. Передвигаться в темноте рискованно, но атмосфера важнее: в конце концов, сфера его деятельности лежит в области незримого.

И атмосфера уже начинала действовать на миссис Сандерс-Мосс. Вейл попытался увидеть всю картину ее глазами. Знаявшая лучшие времена роскошь съемного дома на неправильном берегу реки Потомак⁴. Серванты, заставленные бронзовыми статуэтками Викторианской эпохи: греческие атлеты; Ромул с Ремом, приникшие к сосцам волчицы. На стенах японские гравюры, утопающие в сумраке. И сам Вейл, рано поседевший (что споспешествовало образу), плотный, в отделанном бархатом пиджаке; лицо было бы совершенно простецким, если бы не горящие зеленым пламенем глаза. Вейлу очень повезло: волосы и глаза с первого взгляда вызвали доверие.

Он намеренно затягивал молчание. Миссис Сандерс-Мосс занервничала и наконец произнесла:

– Мы с вами договаривались о встрече...

– Разумеется.

– Миссис Фаулер рекомендовала...

– Я знаю. Прошу вас, пройдемте в кабинет.

Он снова улыбнулся. Что им нужно, всем этим женщинам, так это нечто экстравагантное, потустороннее... Какое-то чудище, но *их* чудище; одомашненное, но не до конца укрощенное.

Он провел миссис Сандерс-Мосс за бархатную штору, в комнатную, заставленную книгами. Книги были старинные, увесистые, весьма солидные, если не вглядываться в осыпавшуюся позолоту названий на ветхих корешках: собрание проповедей девятнадцатого века, купленное за бесценок на деревенском аукционе. Людям воображалось, будто в них содержатся тайные знания.

Он усадил миссис Сандерс-Мосс в кресло, а сам расположился напротив за столом. Посетительница ни в коем случае не должна догадаться, что он тоже нервничает. Миссис Сандерс-Мосс не рядовая клиентка, а крупная рыба, которую он приманивает уже больше года. У нее множество связей. Раз в месяц она устраивает в своем виргинском поместье салон, где собирается практически весь интеллектуальный бомонд города – с женами.

⁴ Т. е. на правом берегу. Во время Гражданской войны по реке проходила граница Конфедерации южных штатов.

Вейлу очень хотелось понравиться миссис Сандерс-Мосс.

Посетительница сложила руки на коленях и устремила на него серьезный взгляд:

– Миссис Фаулер очень высоко о вас отзывалась, мистер Вейл.

– Доктор, – поправил он.

– Доктор Вейл. – Женщина все еще держалась настороженно. – Я не доверчивая простушка и не имею привычки обращаться к медиумам. Но миссис Фаулер весьма и весьма впечатлена вашим гаданием.

– Я не гадаю, миссис Сандерс-Мосс. Вы не увидите тут кофейной гуши и не услышите просьбу показать вашу ладонь. Не будет ни хрустальных шаров, ни карт Таро.

– Я не хотела...

– Я не обиделся.

– В общем, она очень лестно о вас отзывалась. Миссис Фаулер, я имею в виду.

– Я припоминаю эту почтенную даму.

– То, что вы рассказали о ее муже...

– Рад, что она осталась довольна. Давайте перейдем к делу. Что привело сюда вас?

Миссис Сандерс-Мосс положила руки на колени. Похоже, желание встать и уйти было огромным.

– Я потеряла одну вещь, – прошептала она.

Вейл молча ждал.

– Прядь волос...

– Чьи это волосы?

С нее разом слетела вся гордость, все высокомерие. И наконец прозвучало признание:

– Моей дочери. Первой дочери, Эмили. Она умерла в возрасте двух лет от дифтерии. Чудесная была малышка. Когда она заболела, я срезала у нее прядку, чтобы хранить вместе с несколькими другими ее вещами. Погремушка, крестильное платьице...

– Они тоже пропали?

– Да! Но именно волосы кажутся мне... самой страшной потерей. Это все, что связывало меня с дочерью.

– И вы хотите, чтобы я помог отыскать эти вещи?

– Если это не слишком незначительная задача для вас.

Вейл смягчил голос:

– Ну что вы. Конечно нет.

Миссис Сандерс-Мосс взглянула на него с огромным облегчением. Она раскрыла перед медиумом свою броню, а он не воспользовался этим, чтобы причинить ей боль. Он все понял.

– Вы мне поможете?

– По правде говоря, не знаю. Могу попробовать. Но вы должны будете помочь мне. Возьмете меня за руку?

Миссис Сандерс-Мосс нерешительно протянула через стол руку. Ладонь была маленькая и прохладная, и Вейл взял ее в свою, широкую и сильную.

Взгляды встретились.

– Постарайтесь не пугаться, что бы вы ни увидели и ни услышали.

– Трубный глас с небес? И все в таком духе?

– Нет-нет, никакой вульгарщины. Это же не цирковое представление.

– Я не хотела...

– Не важно. Вам придется запастись терпением. Нередко требуется немало времени, чтобы вступить в контакт с потусторонним миром.

– Я никуда не спешу, мистер Вейл.

С вводной частью было покончено; осталось лишь сосредоточиться и дожидаться, когда бог начнет воссоздавать из самых потаенных глубин его существа, которые индуистские мистики

именуют нижними чакрами. Это не доставляло никакого удовольствия – процесс всегда был болезненным и унижительным.

За все в жизни приходится платить, подумал Вейл.

Да, о боге: лишь один Вейл был способен внимать его гласу. За исключением тех случаев, когда собственное брненное тело превращалось в рупор для этого голоса; в такие моменты Вейл не мог слышать ничего больше.

Впервые он услышал бога в августе 1914-го.

До Чуда он вел сомнительный образ жизни, путешествуя с передвижным шоу. Вейл и два его партнера колесили по глубинке с мумифицированным трупом, нелегально приобретенным в морге крохотного местечка Расин в штате Висконсин. Мертвеца демонстрировали за деньги, выдавая за тело Джона Уилкса Бута, убийцы Авраама Линкольна. Самый грандиозный успех шоу имело в захолустных городках, куда ни разу не приезжал цирк, вдали от железных дорог, в глуши, где на много миль окрест не было ничего, кроме хлопковых, пшеничных и конопляных полей. У Вейла весьма неплохо получалось зазывать народ и конферировать; он умел заморочить голову кому угодно. Но дела и до Чуда шли не сказать что в гору, а Чудо окончательно подкосило предприятие. Доходы сельских жителей резко упали, а те немногие, у кого еще оставались какие-то деньги, не горели желанием платить за возможность взглянуть на сморщенный труп убийцы. Гражданская война была вселенской катастрофой для предыдущего поколения. У поколения нынешнего имелась своя собственная катастрофа. В Айове партнеры сбежали, бросив Вейла с мистером Бутом посреди кукурузных полей.

Тот август выдался на редкость знойным. Вейл, уже успевший избавиться от Бута, торговал Библиями, которые носил в выдавшем виды чемоданчике. Путешествовал он главным образом в товарных вагонах. Дважды на него нападали грабители. Он сумел отстоять свои Библии, но лишился запаса чистых воротничков и частично зрения на один глаз; зеленая радужка так и осталась слегка помутневшей. Впрочем, это тоже впоследствии ему пригодилось.

В тот день он долго ходил с товаром от дома к дому. Стояла влажная жара, небо было затянуто белесой пеленой, торговля не ладилась. В придорожной закускойной под гордым названием «Олимпия» в каком-то городишке – как же он назывался? – в излучине реки Огайо, которая лениво змеилась на запад, официантка утверждала, что слышала далекие раскаты грома. Вейл на последние деньги купил сэндвич с цыпленком в подливке и отправился на поиски ночлега.

Уже в сумерках он набрел на заброшенный кирпичный завод на окраине города. В огромном здании царили духота и сырость, пахло плесенью и машинным маслом. Давно остывшие печи высились в сумраке, словно какие-то непристойные статуи. Вейл устроил себе лежку, перетащив с ближайшей свалки матрас на верхний ярус лесов – там он мог чувствовать себя в безопасности. Но сон никак не шел. Ночной ветер гулял в пустых оконных рамах, но нагретый за день воздух оставался спертым. Потом в темноте пошел дождь. Вейл слушал, как струйки воды проникают через тысячи трещин и заливают земляной пол. Эрозия, думал он, не щадит ни железо, ни камень.

Голос – вернее, еще даже не голос, а скорее предвещающий его раскатистый гром – раздался в голове без предупреждения уже глубоко за полночь.

Вейла в самом буквальном смысле парализовало. Казалось, его придавило чудовищной тяжестью, и эта тяжесть имела электрическую природу: пульсируя, она влилась в тело и, искрясь, вышла через кончики пальцев. Наверное, его ударило молнией. Он решил, что умирает.

А потом раздался голос, и он произносил не слова, а сразу смыслы; соответствующие слова, когда Вейл пытался подыскать их, казались бледной тенью. «Он знает мое имя, – подумал Вейл. – Даже нет, не имя, а мое тайное представление о самом себе».

Электрическая пульсация заставила его открыть глаза. Со страхом подчинившись, Вейл увидел стоявшего над ним бога. Древний, с похожим на исполинского жука телом, сотканным из призрачного зеленоватого сияния, сквозь которое свободно падали струи дождя, бог был чудовищен. От него исходило зловоние, смутно напоминавшее запах разбавителя для краски и креозота.

Разве мог Вейл облечь в слова все, что узнал в ту ночь? Это было невыразимо, непередаваемо; он едва ли дерзнул бы осквернить открытое ему человеческим языком.

Впрочем, если бы его заставили, он сказал бы так:

Я узнал, что у моей жизни есть смысл.

Я узнал, что у меня есть божественное предназначение.

Я узнал, что я избранный.

Я узнал, что богов несколько и что им известно мое имя.

Я узнал, что под нашим миром существует еще один.

Я узнал, что у меня есть друзья среди облеченных могуществом.

Я узнал, что должен быть терпелив.

Я узнал, что буду вознагражден за терпение.

А еще я узнал самое важное: что мне вовсе не обязательно умирать.

– У вас есть служанка, – произнес Вейл. – Негритянка.

Миссис Сандерс-Мосс сидела очень прямо, глядя на него широко распахнутыми глазами, как перепуганная школьница, которую вызвал к доске строгий учитель.

– Да, Оливия... Ее зовут Оливия.

Вейл не отдавал себе отчета в том, что говорит. Он целиком и полностью предоставил себя в распоряжение иной, высшей силы. Перистальтика сделавшихся вдруг резиновыми губ и языка казалась чем-то чуждым и отвратительным, как будто в рот к нему заполз слизняк.

– Она давно у вас работает, эта Оливия.

– Да, очень давно.

– Она работала у вас, когда родилась ваша дочь.

– Да.

– И она ухаживала за девочкой.

– Да.

– Плакала, когда девочка умерла.

– Мы все плакали. Все в доме.

– Но Оливия испытывала более глубокие чувства.

– Правда?

– Она знает о коробке. С прядью волос и крестильным платицем.

– Наверное, знает. Но...

– Вы хранили все это под кроватью.

– Да!

– Оливия протирает там пыль. Она знает, когда вы заглядываете в коробку. Знает, потому что в пыли остается след. Она внимательно следит за пылью.

– Это возможно, но...

– Вы очень давно не открывали коробку. Больше года.

Миссис Сандерс-Мосс опустила глаза.

– Но я про нее думала. Я не забыла.

– Оливия обращается с этой коробкой как с ковчегом. Поклоняется ей. Открывает ее, когда вас нет дома. Очень старается не оставить следов в пыли. Она считает коробку своей собственностью.

– Оливия...

- Она решила, что вы недостаточно чтите память дочери.
- Это неправда!
- Она действительно так думает.
- Так это Оливия украла коробку?
- В ее понимании это не воровство.
- Пожалуйста, доктор Вейл... скажите, где она? В надежном месте?
- Более чем.
- Где?
- В комнате прислуги, в глубине шкафа.

Перед мысленным взором Вейла промелькнула похожая на крохотный гробик деревянная шкатулка, замотанная в какое-то тряпье; пахло камфарой, пылью и затаенным горем.

– Я ей доверяла!

– Она тоже любила вашу девочку, миссис Сандерс-Мосс. Очень любила. – Вейл сделал судорожный вдох; мало-помалу он возвращался в собственное тело, чувствовал, как бог удаляется в свой таинственный мир. – Заберите то, что принадлежит вам. Но прошу вас, не будьте слишком строги к Оливии.

Миссис Сандерс-Мосс взирала на медиума с благоговейным трепетом на лице.

Она рассыпалась в благодарностях. От денег Вейл отказался. Ее восхищенная улыбка выглядела весьма многообещающе. Но разумеется, не стоило радоваться раньше времени.

Когда посетительница, захватив зонт, удалилась, Вейл откупорил бутылку бренди и поднялся на второй этаж, в комнату, где дождь барабанил в матовое оконное стекло, где ярко горел газовый свет, а единственной книгой в зоне видимости был растрепанный бульварный романчик «Под юбкой его любовницы».

Стороннему наблюдателю перемена, произошедшая с медиумом после божественного явления, не бросилась бы в глаза. Сам же Вейл чувствовал себя опустошенным, практически выпотрошенным. Он ощущал во всем теле ломоту, которую еще нельзя было назвать полноценной болью. Глаза щипало. Выпивка давала облегчение, но на то, чтобы полностью восстановиться, уходил целый день.

Если повезет, бренди приглушит сны, которые всегда мучили Вейла после контакта с богом. В этих снах он неизменно оказывался посреди бескрайней серой пустыни, и если из неуместного любопытства или из озорства поднимал первый попавшийся камень, под ним обнаруживалась дыра, кишевшая невиданными жуткими насекомыми: многоногими, клешнястыми, ядовитыми. Они в мгновение ока облепляли руку и, взбравшись по ней, проникали внутрь его черепа.

Вейл не был религиозен. Раньше он не верил в духов, столоверчение, астрологию и воскресшего Христа. Пожалуй, он и сейчас во все это не верил; его мистицизм ограничивался одним-единственным богом, тем самым, который вошел в его жизнь, грозно, непререкаемо заявив свои права на самые интимные уголки его сущности.

Он изрядно поднаторел в разнообразных жульнических схемах и уж точно не брезговал воровством, но в таких ситуациях, как с миссис Сандерс-Мосс, обмана не было: он ровным счетом ничего не знал ни о ней, ни о ее служанке, Оливии, ни об их драгоценных реликвиях в коробке из-под обуви. Собственные предсказания стали для Вейла полнейшей неожиданностью. Чужие слова срывались с его губ, точно переспелые плоды с ветки.

Понятное дело, эти слова принесут ему пользу. Но они послужат и другой цели.

Сжульничать было бы неизмеримо проще.

Он налил еще бренди и утешил себя мыслью о том, что к бессмертию через низость не придешь.

Миновала неделя. Ничего не происходило. Он уже забеспокоился.

А потом с дневной почтой пришла короткая записка.

Доктор Вейл,

сокровища вернулись на свое место. Моя благодарность не знает границ.

В этот четверг я даю званый ужин. Если вы сможете присутствовать, буду очень рада.

Жду вашего ответа.

Миссис Эдвард Сандерс-Мосс

«Элинора» – подписала она свое письмо.

Глава 3

«Оденсе» встал на якорь в импровизированной гавани в болотистом устье Темзы, среди самых разнообразных грузовых и пассажирских судов, которые прибыли сюда из всех уголков империи. Гилфорд Лоу с семейством и костяк экспедиции Финча со всеми своими компасами, алидадами, сушеной едой и прочим имуществом перебрались на паром, ходивший вверх по Темзе до Лондона. Гилфорд лично проследил за тем, как перегружали его фотографическое оборудование: бережно упакованные стеклянные пластинки и объективы, камеру и треногу.

Паром представлял собой шумный неотапливаемый пароход, обладавший, однако, немаленькими иллюминаторами. Каролина утешала Лили, которой не понравились жесткие деревянные скамейки, а Гилфорд всецело отдался разглядыванию проплывающих мимо берегов.

Ему впервые представилась возможность взглянуть на новый мир своими глазами. Устье Темзы и Лондон были единственной более-менее населенной территорией континента: самой известной, часто фотографируемой, но все еще девственной – и прямо-таки кичащейся своей девственностью. Далекий берег был сплошь покрыт необыкновенной растительностью; полые флейтовые деревья и высокие травы в скудном свете непогожего дня сливались в одну темную массу. Странность всего этого жгла Гилфорда, точно пылающая головешка. Он столько читал о Дарвинии и так часто рисовал ее в воображении, и вот она лежит перед ним во всей своей непостижимой реальности, не просто иллюстрация в книге, но живая мозаика, сотканная из света, тени и ветра. В реке зеленеют фальшивые лотосы, колонии куполообразных листьев распластаны на воде; говорят, они представляют серьезную угрозу для судоходства, особенно в летние месяцы, когда растения спускаются по Темзе от гряды Котсуолдс и наматываются на винты пароходов.

Гилфорд заметил на застекленной прогулочной палубе Джона Салливана. Салливан побывал в Европе в 1918 году, вернувшись из дельты Рейна с богатой коллекцией образцов, но полученный опыт, по всей видимости, не до конца удовлетворил его интерес; глаза ботаника горели таким исследовательским азартом, что отвлекать его разговорами было просто невозможно.

Вскоре на берегу появились признаки человеческой жизнедеятельности: грубо сколоченные хижины, заброшенная ферма, мусорная яма, над которой курился дымок; затем показались и окраины самого порта Лондон. Тут заинтересовалась даже Каролина.

Город представлял собой беспорядочное нагромождение построек на северном берегу Темзы. Он был воздвигнут на отвоеванном у леса клочке земли солдатами и лоялистами-добровольцами, присланными лордом Китченером из колоний, и ничем не напоминал Лондон Кристофера Рена. На взгляд Гилфорда, это был совершенно непримечательный дымный городишко, точь-в-точь любое поселение эпохи освоения Америки: скопление пилорам, гостиниц, доков и пакгаузов. Он отыскал глазами силуэт единственного известного лондонского памятника, колонну из южноафриканского мрамора, изваянную в знак скорби о жертвах 1912 года. Чудо обошлось с человечеством немилосердно. Оно заменило камни камнями, растения – хоть и необычными, но растениями, животных – более или менее эквивалентными существами. Но ни следов сгинувшей человеческой популяции, ни признаков любого другого разумного вида до сих пор никто не обнаружил.

Исполинские железные краны, чьи стрелы поднимались выше мемориальной колонны, были заняты обустройством территории порта. За ними, уже совсем поражая воображение размерами, виднелся похожий на скелет каркас собора Святого Павла, строящегося, по всей видимости, на вершине холма Ладгейт-Хилл. Берега Темзы не соединял ни один мост, хотя планы соорудить его имелись; пока же переправу обеспечивали многочисленные паромы.

Гилфорд почувствовал, как Лили потянула его за рукав.

- Папа, – очень серьезно произнесла она, – там чудовище.
- Что такое, Лил?
- Там чудовище! Смотри!

Малышка с округлившимися глазами указала куда-то правее, в сторону носа парохода и выше по течению.

Гилфорд спокойно объяснил дочери, что это никакое не чудовище, хотя у самого сердца забилось учащенно. Иловая змея, так ее называют поселенцы; иногда еще речная змея. Каролина стиснула его другую руку. На палубе стало очень тихо. Иловая змея подняла голову над бортом устрашающе плавным движением, учитывая, что ее череп представлял собой тупой клин размером с детский гробик, держащийся на двадцатифутовой шее. Существо было совершенно мирным и питалось прямо как лотофаги у Гомера – лотосами, но его размеры не могли не пугать.

Должно быть, исполинское существо частично закопалось в ил. Конечностями иловой змее служили хрящеватые выросты, при помощи которых она справлялась с речными течениями. Маслянисто-белая кожа местами отливала зеленью. Змею, похоже, интересовала человеческая деятельность на берегу. Она по очереди оглядела все портовые краны одним или другим глазом, поморгала и беззвучно разинула пасть. Потом заметила скопление лотосовых листьев на воде и, одним ловким стремительным движением сорвав их вместе со стеблями, скрылась в Темзе.

Каролина уткнулась лбом в плечо Гилфорда.

- Помоги нам Бог, – прошептала она. – Мы приехали в ад.

Лили немедленно захотела узнать, так ли это. Гилфорд заверил ее, что не так; это всего лишь Лондон, новый Лондон нового мира. Хотя, пожалуй, принять его за преисподнюю не так уж сложно, учитывая пламенеющий закат, грохот порта, речное чудовище и все прочее.

Стивидоры приступили к разгрузке парома. Финч, Салливан и остальные члены экспедиции разместились в «Империале», самом крупном лондонском отеле. Проезжая мимо по дороге из порта вместе с Каролиной и Лили, Гилфорд с тоской смотрел на витражные окна и кованые балконы. Он нанял такси – колымагу с парусиновым верхом и разболтанной подвеской. Их путь лежал к дому Каролининого дяди, Джереда Пирса. Багаж должны были доставить утром.

По темным улицам среди гуляющей публики бродил фонарщик. Да уж, немного осталось от знаменитой английской благопристойности, – конечно, если судить о ней по этой толпе разухабистых моряков и горластых женщин. Лондон превратился в пограничный город, населенный самыми неотесанными представителями королевского флота. Возможно, перебои с углем и нефтью тут дело обыденное, зато недостатка товаров в винных лавках определенно не бывает.

Лили положила голову Гилфорду на колени и закрыла глаза. Каролина не спала, напряженно глядя по сторонам. Она нащупала и сжала руку мужа.

- Лиам говорит, они хорошие люди, но я никогда в жизни их не видела, – сказала она, имея в виду своих дядю с теткой.

- Они твои родственники, Каролина. Наверняка прекрасные люди.

Лавка Пирсов стояла на ярко освещенной торговой улице, но, как и все в этом городе, выглядела наспех сколоченной из того, что под руку подвернулось, и грозящей вот-вот развалиться. На порог вышел дядя Каролины, Джеред. Он заключил племянницу в объятия, обменялся с Гилфордом крепким рукопожатием, а Лили подхватил на руки и осмотрел с таким выражением, будто держал увесистый мешок муки. Потом повел их в дом, по железной лестнице на второй этаж: там над лавкой располагалась комната, где жили дядя с женой. Комната была тесная и скудно обставленная, но от дровяной печки распространялось тепло, а жена Джереда, Алиса, тоже устремилась навстречу с объятиями.

Гилфорд улыбнулся и предоставил Каролине вести разговоры. Добравшись наконец до ночлега, он как-то разом обессилел. Джеред бросил в огонь полое полено, и Гилфорд отметил, что даже запах горящего дерева здесь, в Дарвинии, непривычен: сладкий и терпкий, как индийская конопля или розовое масло.

Чудо застигло семью Пирс разбросанной по всему миру. Каролина жила в Бостоне у брата Джереда, Лиамы, а ее родители в Англии, с умирающим дедом Каролины. Джеред с Алисой обосновались в Кейптауне, где оставались вплоть до беспорядков 1916 года; в августе того года они при щедрой финансовой поддержке Лиамы сели на пароход и направились в Лондон, намереваясь торговать там бакалеей и скобяными товарами. Оба были стойкие, крепкие и выносливые. Гилфорду родственники жены понравились с первого взгляда.

Лили отправилась в постель первой. Ее уложили в крохотной комнатке, которая с трудом могла претендовать даже на звание чулана, а Гилфорда с Каролиной в другой, дальше по коридору. Там обнаружилась роскошная кровать с балдахином на латунных ножках, невероятно мягкая и удобная. Представления семейства Пирс о том, что такое пристойный матрас, явно отличались в лучшую сторону от тех, которыми руководствовались при обустройстве «Оденсе» его скаредные владельцы. Будучи абсолютно уверен, что снова поспать в хорошей постели удастся еще очень не скоро, Гилфорд намеревался сполна насладиться этим благом цивилизации, но провалился в сон, едва закрыл глаза, и сразу же настало утро.

Экспедиция Финча задержалась в Лондоне, дожидаясь второй партии припасов и оборудования, в том числе пяти восемнадцатифутовых, с навесными моторами плоскодонок конструкции Стоуна и Галлоуэя, которые должны были прибыть следующим рейсом из Нью-Йорка. Гилфорд провел два дня в сумрачном здании таможни, занимаясь инвентаризацией, в то время как Престон Финч пытался раздобыть замену пропавшим или поврежденным в пути вещам: полиспасту, брезенту, прессу для гербария.

Когда с делами было покончено, Гилфорд получил возможность провести время с семьей. Он помогал дяде жены в лавке, наблюдал за тем, как Лили поглощает яйца на завтрак и сосиски на ужин, а также сахарное печенье в неограниченных количествах. Он любовался висевшим на почетном месте в гостиной сертификатом волонтера империи на имя Джереда за подписью самого лорда Китченера. Такой сертификат получал каждый вернувшийся на родину англичанин, но Джеред воспринимал свои волонтерские обязанности крайне серьезно и говорил о воссоздании доминиона безо всякого намека на иронию.

Все это было очень интересно, однако это была не та Европа, которую так жаждал увидеть Гилфорд, – первозданный новый мир, не знающий человеческого вмешательства. Он сказал дяде жены, что хотел бы на денек выбраться в город.

– Да боюсь, смотреть там особо не на что. В солнечный день приятно прогуляться от Кэндлвика до собора Святого Павла или по Темза-стрит за верфями. Дальше к востоку одна сплошная грязь. Только держись подальше от полян.

– Ничего не имею против грязи, – отозвался Гилфорд. – Думаю, в ближайшие месяцы буду видеть ее часто.

Джеред обеспокоенно нахмурился:

– Пожалуй, тут ты прав.

Гилфорд двинулся мимо рыночных лотков, прочь от портового шума. Утреннее солнце светило ярко, воздух радовал прохладой. Мимо то и дело проезжали телеги, запряженные лошадьми, а вот автомобилей практически не попадалось, да и городское благоустройство еще не было доведено до ума. В новых кварталах вдоль улиц тянулись сточные канавы; на Кэндлвик-стрит прогремела зловонная повозка золотаря, влекомая двумя полудохлыми клячами. Некоторые горожане носили прикрывавший нос и рот платок по причине, которая стала Гилфорду понятна, едва паром причалил к пристани: запах города временами был невыносим –

смесь угольного чада с отходами жизнедеятельности людей и животных да еще вонь целлюлозной фабрики, которую ветер доносил с другого берега реки.

Но при всем при том это был живой и добродушный город; встречные пешеходы весело приветствовали Гилфорда. В Ладгейте он пообедал в пабе и снова вышел на солнце. За собором Святого Павла потянулись крытые толем хижины и расчищенные под фермы участки, а дальше наконец начали попадаться пятачки леса. Дорога превратилась в ухабистую тропку; зеленые кроны минаретных деревьев создали над ней плотную сень, и воздух резко посвежел.

Общепринятое толкование Чуда заключалось в том, что это самый настоящий акт Божественного вмешательства в мировом масштабе. Престон Финч в это верил, а он был совсем не идиот. На первый взгляд логика тут была неоспоримая. Явление произошло вопреки всем известным законам природы, оно коренным образом преобразило значительную часть земной поверхности в один миг. Прецеденты были описаны исключительно в Библии. После того что произошло с Европой, кто мог усомниться, к примеру, в историчности Всемирного потопа? Тем более что натуралисты уровня Финча готовы были выкопать доказательства его реальности из геологических отчетов. Человек предполагает, а Бог располагает. Возможно, замысел Его постигнуть человеку и не под силу, но дело рук Его спутать невозможно ни с чем.

Однако, стоя среди колышущихся на ветру диковинных растений, Гилфорд никак не мог поверить в то, что у них не было собственной истории.

Да, облик Европы в 1912 году изменился до неузнаваемости, это правда, как правда и то, что вот эти самые деревья появились здесь внезапно, и были они тогда на восемь лет моложе, чем сейчас. Они не выглядели только что созданными. Они давали семена (точнее, споры, или *germinae*, согласно новой системе классификации), что подразумевало наследование, происхождение, возможно, даже эволюцию. Разруби ствол такого дерева, и обнаружишь годовичные кольца, которых окажется куда больше восьми. Эти годовичные кольца могут быть широкими или узкими, в зависимости от сезонных температур и освещения... В зависимости от сезонов, прошедших до того, как эти растения появились на Земле.

Так откуда же взялась эта флора?

Гилфорд остановился у обочины, где цвел куст канавника высотой ему по плечо. В покоем на чашку бутоне меж синих шипов тычинок копошился иголочник. При каждом движении насекомого в теплый весенний воздух вздымались облачка зародышевого вещества. Назвать это сверхъестественным – значит погрешить против самой идеи природы.

А с другой стороны, какие ограничения применимы к Божественному вмешательству? Очевидно, что никаких. Если бы Создатель вселенной захотел придать одному из своих творений видимость истории, Он просто так бы и сделал. И человеческая логика наверняка стояла бы последней в списке Его забот. Бог вполне мог сотворить мир хоть вчера, слепить его из звездной пыли и Божественной воли, приправив все это иллюзией человеческой памяти. С чего простые смертные взяли, что это не так? Может, Цезаря и Клеопатры на самом деле никогда не существовало? Как и всех людей, которые сгинули без следа в ночь Преображения? Если бы Чудо охватило всю планету, а не часть ее, ответ на этот вопрос был бы утвердительным: не было никогда ни Гилфорда Лоу, ни Вудро Вильсона, ни Эдисона с Маркони, ни Рима, ни Греции, ни Иерусалима, ни неандертальцев. Ни, если уж на то пошло, Адама с Евой.

Но если это так, подумалось Гилфорду, значит мы живем в сумасшедшем доме. И тогда попросту исключено доподлинное знание чего бы то ни было, никому оно не доступно... кроме разве что Бога.

В таком случае нам следует просто сдаться. Потому что любое знание – в лучшем случае условность, а наука – пустой звук.

Но Гилфорд отказывался в это верить.

От созерцания канавника и философских размышлений его отвлек запах дыма. Гилфорд двинулся дальше по дорожке, которая пошла слегка на подъем, и очутился на открытом

участке, где жгли минаретные и колокольные деревья, срубленные и уложенные штабелями попеременно с сухим хворостом. На вершине холма стояли чумазные работяги, приглядывая за кострами.

Крепкий мужчина в полукомбинезоне и тельняшке – видимо, бригадир – нетерпеливо замахал ему рукой.

– У нас тут работа в самом разгаре. Не заходи дальше колотильщиков, а лучше поворачивай обратно. Как бы пара-тройка мимо нас не проскочила.

– Пара-тройка кого?

Этот вопрос был встречен дружным смехом. С полдюжины рабочих были вооружены толстыми дубинами.

– Ты что, американец? – спросил бригадир.

Гилфорд кивнул.

– Недавно тут?

– Относительно. Кого я должен остерегаться?

– Пенечников, кого же еще. С ума сойти, да ты еще и без сапог! Держись подальше от полян, если не одет как полагается. Пока рубишь и складываешь деревья, риска немного, но как только подпалишь, тут они все наружу и высыпают. Стой позади колотильщиков, пока волна не схлынет, и все будет в порядке.

Гилфорд прошел, куда указал бригадир, а рабочие выстроились в цепочку между дорогой и расчищенной поляной. Солнце припекало, густой дым ел легкие всякий раз, когда ветер гнал его на Гилфорда. Тот уже забеспокоился, что прождет впустую весь день, как вдруг рабочий закричал: «Берегись!» – и, взяв дубину наперевес, напрягнул полусогнутые ноги.

– Эти паразиты живут в земле, – пояснил бригадир. – Огонь выкуривает их. И тогда лучше не оказываться у них на пути.

Гилфорд увидел, что в обугленной земле за цепочкой рабочих началось какое-то шевеление. Пенечники, насколько он помнил, представляли собой земляных насекомых размером с крупного жука, обитавших большими колониями в корнях старых минаретных деревьев. Для случайных прохожих опасности они не представляли, но если их раздражить, могли напасть. И были чрезвычайно ядовитыми.

На этой поляне, судя по движению, располагался десяток немаленьких гнезд.

Земля вспучилась буграми, насекомые разом вырвались наружу и хлынули в тлеющие промежутки между кострами, точно переливчатая черная нефть. Этот живой поток, состоявший из отдельных роев, бурлил, вихрился и растекался во всех направлениях.

Колотильщики принялись что было сил лупить по земле дубинами. Они били слаженно, поднимая тучи пыли и пепла и крича как сумасшедшие. Бригадир стиснул локоть Гилфорда.

– Не дергайся! – прокричал он. – Тут ты в безопасности. Они набросились бы на нас, если бы могли, но сейчас их главная забота – спасти от огня личинок.

Колотильщики в высоких сапогах продолжали дубасить по земле, пока пенечники не обратили на них внимания. Рои завихрились вокруг костров, точно живые циклоны, сбиваясь все плотнее и плотнее, пока их масса не покрыла всю землю так, что не осталось ни единого просвета. И вот, спасаясь от поднятого колотильщиками шума, жуки дружно хлынули в сторону леса, подобно воде, которую спустили из пруда.

– Бездомный рой долго не протянет. Это легкая добыча для змей, шмыгунов и дубоестребов, для всех, кому не вредит жучиный яд. Мы через день-другой будем ворошить костры. Приходи сюда спустя недельку, ты эту поляну не узнаешь.

Работа продолжалась до тех пор, пока не скрылись последние насекомые. Усталые, но довольные колотильщики, опершись на свои дубины, тяжело дышали. Пенечники оставили в дымном воздухе запах, отдающий то ли плесенью, то ли аммиаком. Гилфорд утер нос тыльной стороной кисти и обнаружил, что его лицо покрыто копотью.

– Когда в следующий раз решишь прогуляться за город, одевайся как следует. Тут тебе не Нью-Йорк.

Гилфорд слабо улыбнулся:

– Да я уже и сам понял.

– Надолго в наши края?

– На несколько месяцев. С заездом на континент.

– На континент! Да там нет ничего, кроме леса и чокнутых американцев, ты уж меня прости.

– Я с экспедицией.

– Ну, надеюсь, ты не собираешься разгуливать в этих ботиночках. Тамошняя живность тебя сожрет и косточек не оставит.

– Постараюсь не разгуливать, – сказал Гилфорд.

Он был очень рад вернуться в дом Пирсов, вымыться и провести вечер при свете масляных ламп. После обильного ужина Каролина с Алисой скрылись в кухне, Лили отправили спать, а Джеред достал с полки пухлый, в добротном кожаном переплете атлас Европы 1910 года – Старой Европы эпохи властителей и наций. Как же быстро они потеряли смысл, за каких-то восемь лет, – все эти государства, разбросанные по планете будто по прихоти обезумевшего Бога. Из-за этих линий развязывались войны. А теперь они не более чем геометрия, мозаика чьих-то устремлений.

– Все не так уж сильно изменилось, как может показаться, – проговорил Джеред. – Преданность бывлой родине в людях убить нелегко. Ты же слышал про партизан.

Партизанами называли националистов – головорезов, приплывших из колоний, чтобы предъявить права на территории, которые они по-прежнему считали немецкими, испанскими или французскими. Большинство из них без следа исчезали в лесах Дарвинии, впад в первобытное состояние или став жертвой дикой природы. Другие сбивались в банды и нападали на переселенцев, которых считали захватчиками. Партизаны определенно представляли собой угрозу: разбой, поощряемый различными европейскими нациями в изгнании, серьезно осложнял снабжение поселений. Но партизанам, как и остальным переселенцам, еще только предстояло проникнуть во внутренние районы континента, где пока не было никаких дорог.

– Возможно, это не так, – сказал Джеред. – Партизаны хорошо вооружены, во всяком случае некоторые, и доходили слухи о нападениях на черных углекопов в Сааре. И американцев они не любят.

Гилфорда это не напугало. Группа Доннегана столкнулась лишь с несколькими оборванными партизанами, жившими, точно дикари, на равнинах Аквитании. Экспедиция Финча должна была высадиться в дельте Рейна, занятой американцами, и отправиться вверх по течению реки, мимо Рейнфельдена, попытавшись добраться до Боденского озера. Планировалось затем обследовать Альпы в поисках перевала в тех местах, где некогда пролегали древние римские дороги.

– Амбициозный план, – ровным тоном прокомментировал Джеред.

– У нас есть все необходимое.

– Но вы же не можете предусмотреть любые опасности.

– В том-то и дело. Люди веками переходили через Альпы. Летом это не такое уж и сложное путешествие. Но то были другие Альпы. Кто знает, что могло измениться. Именно это мы и намерены выяснить.

– Вас только пятнадцать.

– Мы поднимемся как можно дальше по течению Рейна на пароходе. А дальше на плоскодонках – где вплавь, где волоком.

– Вам понадобится проводник, знающий континент. Насколько его вообще можно знать.

– В Джефферсонвилле-на-Рейне есть трапперы и следопыты. Люди, живущие там почти с самого Чуда.

– Каролина сказала, ты фотограф.

– Верно.

– Впервые в экспедиции?

– На континент – да, но в прошлом году я был с Уолкоттом на реке Галлатин. Я не новичок.

– Тебе Лиам помог получить это место?

– Да.

– Наверняка он считал, что поступает правильно. Но его от опасностей защищает Атлантика. И его деньги. Думаю, он слабо представляет себе, куда тебя отправил. Здесь, на континенте, обстановка сильно накалена. Ну да, я знаю доктрину Уилсона: Европа – территория, открытая для реколонизации, добро пожаловать всем желающим. Идея сама по себе благородная, но все-таки я рад, что Англия смогла добиться для себя особых условий. Нам пришлось пустить ко дну сколько-то французских и немецких канонерок, прежде чем их тупоголовые правительства пошли на уступки. И тем не менее... – Он принялся набивать трубку. – Ты едешь в опасные края.

– Я не боюсь континента.

– Ты нужен Каролине. И Лили. Заботиться в первую очередь о себе и своей семье – это не трусость. – Джеред подался вперед. – Вы можете жить здесь, сколько хотите. Я готов написать Лиаму и все объяснить. Подумай об этом, Гилфорд. – Пирс понизил голос. – Я не хочу, чтобы моя племянница осталась вдовой.

Из кухни вышла Каролина. Ее роскошные волосы растрепались, выражение лица было серьезным. Она посмотрела на Гилфорда и принялась зажигать газовые рожки. Вскоре комнату залил яркий свет.

Глава 4

В поместье Сандерс-Мосс он неизменно чувствовал себя кастратом. Женщины относились к нему как к домашней зверюшке, мужчины – как к евнуху.

Подобное отношение было для Элиаса Вейла едва ли лестным, но уж точно не неожиданным. Он вошел в этот дом как евнух, поскольку все остальные пути были для него закрыты. Ну ничего, однажды он обретет власть. Сможет перевернуть вверх дном дворец, если пожелает. Гарем будет принадлежать ему, а принцы – соперничать друг с другом за его расположение.

Поводом для сегодняшнего суаре было какое-то событие; какое именно, он уже забывал: то ли чей-то день рождения, то ли годовщина чего-то. Это не имело ни малейшего значения, поскольку никто не ждал от него застольных речей. Важно было лишь то, что миссис Сандерс-Мосс снова пригласила его скрасить званый вечер; что она верит в его способность быть приемлемо эксцентричным, очаровывать, но не смущать. То есть в то, что он не станет злоупотреблять спиртным, подбивать клинья к чужим женам и панибратствовать с теми, кто выше его по положению.

За ужином он сидел там, куда его посадили, и развлекал соседей, дочку какого-то конгрессмена и младшего управляющего из Смитсоновского института, историями о столоверчении и спиритических явлениях, благоразумно позаимствованными из третьих рук и излагаемыми в ироническом ключе. В последнее время с возрождением религиозности спиритизм стал считаться ересью, но это была американская ересь, более приемлемая, чем, к примеру, католицизм с его мессами на латыни и отсутствующими европейскими папами. А когда Вейл счел свою роль диковинки исполненной, он просто умолк и стал с улыбкой слушать общий разговор, обтекавший его молчаливое присутствие, точно река скалу.

Самым сложным, во всяком случае поначалу, было сохранять самообладание в атмосфере роскоши. Не то чтобы роскошь для него была совсем уж в новинку. Вырос он в довольно respectable новоанглийском доме, но вылетел оттуда как мятежный ангел. Отличать столовую вилку от десертной он научился. Но с тех пор ему довелось провести слишком много холодных ночей под мостом, а особняк Сандерс-Моссов был куда шикарнее, чем все то, что он помнил. Электрическое освещение и слуги; говядина, нарезанная тончайшими, как папиросная бумага, ломтиками; баранина под мятным соусом.

Прислуживала за столом Оливия, миловидная застенчивая негритянка в белом накрахмаленном чепце набекрень. Вейл настоял на том, чтобы миссис Сандерс-Мосс не наказала ее за похищение коробки с реликвиями, рассчитывая этим убить двух зайцев разом: продемонстрировать свое великодушие и завоевать расположение прислуги, что было бы весьма полезно. Однако Оливия старательно его избегала, – похоже, сочла кем-то вроде злого духа. Что было не так уж далеко от истины, хотя с прилагательным Вейл, пожалуй, поспорил бы. Вселенная существует в системе координат куда более неоднозначной, чем кажется бедной невежественной служанке.

Оливия внесла десерт. Застольный разговор переключился на экспедицию Финча, которая благополучно добралась до Англии и готовилась пересечь Ла-Манш. Дочь конгрессмена, сидевшая по левую руку от Вейла, полагала, что все это очень смело и интересно. Младший управляющий моллюсками, или кем там он управлял, считал, что Англия куда опаснее для экспедиции, чем континент.

Дочь конгрессмена с этим не согласилась.

– Нет, это собственно Европы им следует опасаться. – В подкрепление своих слов она нахмурилась. – Вы же знаете, что говорят о тамошней живности: вся она безобразна и почти вся смертоносна.

– Не в такой степени, как человеческие существа.

Молодой администратор старательно разыгрывал из себя циника. Видимо, вообразил, что это поможет ему казаться старше.

– Только не надо эпатажа, Ричард.

– И уж точно не настолько безобразна.

– Они смельчаки.

– Может, и смельчаки, но я на их месте больше опасался бы партизан. Или даже англичан.

– Все не настолько плохо.

– Пока да. Однако англичане нам не друзья. Китченер снабжает партизан продовольствием, вы же знаете.

– Это всего лишь слухи, и вам не следует повторять их.

– Англичане подрывают нашу европейскую политику.

– Мы сейчас говорим об экспедиции Финча, а не о них.

– Нет, Престон Финч, конечно, может передвигаться вплавь по реке, но, помяните мое слово, он понесет куда больше потерь от пуль, чем от порогов. Или от чудовищ.

– Не говорите слова «чудовища», Ричард.

– От этих богомерзких созданий.

– Меня бросает в дрожь при одной мысли о них. А партизаны – всего лишь люди.

– Милая моя девочка... Впрочем, полагаю, доктор Вейл остался бы не у дел, если бы не женская склонность смотреть на вещи с романтической точки зрения.

Вейл изобразил лучезарно-елейную улыбку:

– Женщины куда лучше способны видеть беспредельное. Или просто меньше его бояться.

– Вот видите! – Дочка конгрессмена просияла. – Беспредельное, Ричард!

О, если бы только Вейл мог показать ей беспредельное! От этого зрелища ее хорошенькие глазки полезли бы на лоб.

А затем с черепа слетела бы вся плоть.

После ужина мужчины удалились в библиотеку пропустить по стаканчику, и Вейл остался в обществе женщин. Начались бесконечные разговоры о служащих в армии племянниках и отсутствии постоянной связи с ними, о мужьях, допоздна пропадающих в Государственном департаменте. Вейл смутно догадывался, что все это предвестия – но не мог понять, чего именно. Войны? С Англией? С Японией? Ни то ни другое не казалось вероятным... Но после смерти Вильсона Вашингтон превратился в затхлый темный колодец, который легче легкого отравить.

Когда на Вейла напали с требованием откровений, он ограничился диванными пророчествами. Сбежавшие кошки и непутевые дети; разгул желтой лихорадки, полиомиелита, инфлюэнцы. Его видения были безобидными и едва ли сверхъестественными. Вопросы личного характера можно обсудить на его территории. Сказать по правде, за два месяца, прошедшие с первой встречи с Элинором, его клиентура значительно возросла. Он уверенно двигался к статусу духовного отца поколения стареющих наследниц. И скрупулезно все документировал.

Вечер тянулся мучительно медленно и непохоже, что особенно продуктивно: едва ли сегодня будет что занести в дневник, подумалось Вейлу. Но все же ему было необходимо сейчас находиться здесь. Не только ради увеличения дохода, хотя сей побочный эффект, несомненно, весьма кстати. Вейл руководствовался глубинным инстинктом, возможно, даже не полностью его собственным. Бог хотел, чтобы он был здесь.

А если бог чего-то от него хочет, надо повиноваться, ибо такова природа бога: ему повинуются.

Когда Вейл уже собрался уходить, Элинора подвела к нему мужчину, который был изрядно навеселе.

– Доктор Вейл? Это профессор Рэндалл. Вас ведь представили друг другу, я не ошибаюсь?

Вейл пожал руку седовласому мэтру. Чем же примечателен этот экземпляр из принадлежащей Элиноর коллекции академиков и чинуш? Ах да, Рэндалл из Музея естествознания, куратор... отдела палеонтологии, кажется? Науки, оставшейся в прошлом.

– Будьте так добры, проводите его до автомобиля, – сказала Элинор. – Юджин, ступайте с доктором Вейлом. Вам определенно не помешает проветриться.

Ночной воздух пах росой и цветами – по крайней мере, если держаться от профессора с наветренной стороны. Вейл пригляделся к спутнику, вообразив, что видит под поверхностью тела бледные конструкции. Коралловые наросты возраста (пергаментная кожа, артритные суставы) мешали разглядеть глубоко запрятанную душу. Конечно, если у палеонтологов бывает душа.

– Финч спятил, – забормотал Рэндалл, очевидно продолжая какой-то прерванный диалог, – если считает... если считает, что сможет доказать...

– Сегодня нечего доказывать, сэр.

Рэндалл сердито затряс головой и сощурился на Вейла, как будто впервые его заметив.

– А, это вы. Вы же прорицатель, да?

– В некотором роде.

– Видите будущее, да?

– В стеклянном шаре, – сказал Вейл. – Смутно.

– Будущее мира?

– Более или менее.

– Мы говорим о Европе, – сказал Рэндалл. – О Европе, погрязшей в грехах настолько, что на нее, как на Содом, обрушился очистительный огонь. Поэтому мы искореняем семена европеизма повсюду, где бы они ни обнаружились, что бы это ни значило. Омерзительное лицемерие, разумеется. Сиюминутная политическая прихоть. Хотите увидеть Европу? – Он повел рукой в сторону белоколонного особняка Сандерс-Моссов. – Вот она, перед вами! Королевский двор в Версале. В чистом виде.

На весеннем небосклоне ярко горели звезды. В последнее время Вейл находил в звездном небе какую-то глубину: то ли многослойность, то ли провал. Это наводило на мысли о лесах и лугах, о непроходимых чащобах, где рыщут хищные звери. «Как вверху, так и внизу»⁵.

– Этот Создатель, о котором так упорно твердят люди вроде Финча, – продолжал между тем Рэндалл. – Нет, конечно, душа требует веры. Но на фоссилиях не бывает отпечатков пальцев. Не иначе как Всемирным потопом смыло.

Разумеется, Рэндаллу не подобало вести такие речи. После Чуда умонастроения в обществе переменялись, и люди вроде этого ученого сами превратились в окаменелости – в мамонтов, навеки застрявших в ледниковом периоде. Разумеется, Рэндалл, коллекционирующий кости, едва ли может знать о том, что Вейл коллекционирует неосмотрительные высказывания.

Кто захочет узнать, что думает Рэндалл о Престоне Финче, и заплатить за это? В какой валюте и когда?

– Простите, – спохватился Рэндалл, – едва ли это может представлять для вас интерес.

– Напротив, – возразил Вейл, шагая рядом со своей жертвой в росистой ночи. – Представляет, и еще какой!

⁵ Фраза из «Изумрудной скрижали», приписываемой Гермесу Тризмегисту. В герметизме может означать, что земные материи отражают свойства астрального плана.

Глава 5

Плоскодонки наконец прибыли из Нью-Йорка и были перегружены на «Аргус», пароход, курсировавший через Ла-Манш. Гилфорд, Финч, Салливан и судовой эксперт Чак Хемпхилл наблюдали за погрузкой и раздражали суперкарго своим присутствием, пока их не изгнали на дощатый, весь в пятнах дегтя причал. Весеннее солнце заливало пристань, смягчая неприглядный вид замасленных досок. Комья псевдолотосов гнили у свай; в вышине кружили чайки. Они стали первыми земными переселенцами на Дарвинию; за ними последовали люди, пшеница, ячмень, картофель, полевые цветы – вербейник и выюнок, крысы, крупный рогатый скот, овцы, вши, блохи, тараканы – весь биологический винегрет прибрежных поселений.

Престон Финч стоял на причале, сцепив за спиной огромные ручки. Лицо тонуло в тени полей тропического шлема. Просто человек-парадокс какой-то, подумалось Гилфорду: мужественный и, несмотря на свой возраст, крепкий опытный исследователь, чьи проницательность и бесстрашие неоспоримы. Но его ноева геология, пусть даже и вошедшая в моду на волне страхов, порожденных Чудом, казалась Гилфорду мешаниной из полуправды, сомнительных умозаключений и унылого протестантизма. Сущий абсурд, как бы ни старался Финч приукрасить факты седиментационными теориями и цитатами из Джорджа Беркли. Мало того, Финч отказывался обсуждать эти идеи и не терпел критики даже от коллег, что уж говорить о простом фотографе. Интересно, каково это – жить с такой барочной архитектурой внутри черепа? С таким причудливым собором, столь надежно укрепленным, столь геройски обороняемым?

Джон Салливан, еще один серый кардинал экспедиции, прислонившись к стене пакгауза, чему-то слабо улыбался из-под широкополой соломенной шляпы. Два пожилых человека, два научных авторитета, Финч и Салливан. Но Салливан улыбчив – вот в чем разница между ними.

Наконец последние ящики были опущены в трюм «Аргуса». Финч подписал грузовую декларацию для взмыленного суперкарго, словно поставил точку. «Аргус» отплыл утром.

Салливан коснулся плеча Гилфорда:

– У вас найдется свободная минутка, мистер Лоу? Хочу показать кое-что любопытное.

«Музей страшилищ» – гласила вывеска над дверью.

Здание музея представляло собой немногим более чем хижину, но оно было старое – по лондонским меркам; наверное, одно из первых постоянных строений, возведенных на болотистых берегах Темзы. Выглядело оно так, будто неоднократно оказывалось заброшенным.

– Нам сюда? – спросил Гилфорд.

Они отошли чуть в сторону от причалов, за кирпичные здания таверн, туда, где царили полумрак и затхлость.

– Двадцать центов за возможность поглазеть на чудовищ, – сказал Салливан.

Выговор был самый что ни на есть арканзасский, но в устах этого старика звучал как речь выпускника Оксфорда. Ну или так Гилфорд себе ее представлял.

– Владелец – горький пьяница, но у него в коллекции имеется один весьма любопытный экземпляр.

«Владелец», хмурый мужчина, от которого разило джином, открыл дверь, сунул полученные от Салливана деньги в грязный карман и без единого слова исчез за парусиновой занавеской, оставив гостей разглядывать таксидермические трофеи, красующиеся на грубо сколоченных полках в тесной передней. Экспонаты помельче были настоящими – в том смысле, что они представляли собой узнаваемые образчики дарвинианской фауны, с горем пополам превращенные в чучела: маленькая птичка-крючочник, коллекция шестиногих падальщиков, леопардовая змея с широко разинутой шарнирной пастью. Салливан поднял штору, но свет,

пожалуй, не пошел экспозиции на пользу. Стеклообразные глаза блестели и таранились в самых причудливых направлениях.

– Вот, взгляните, – кивнул Салливан.

Он имел в виду скелет, тоскующий в углу. Гилфорд со скептической миной на лице подошел поближе. На первый взгляд экспонат смахивал на костяк медведя: кое-как держится на двух ногах; грудная клетка крепится к брюшному хребту; череп удлинённый, со множеством сочленений, с зубами, похожими на кремневые ножи. Ужас, да и только.

– Но это же фальшивка, – скривился Гилфорд.

– Как вы пришли к такому выводу, мистер Лоу?

Неужели Салливан сам не видит?

– Да он сляпан на скорую руку. Многие кости более свежие, чем остальные. Вот эта вот похожа на бедренную кость коровы – суставы нисколько не совпадают.

– Превосходно! Вот что значит глаз фотографа.

– А тут не нужно даже быть фотографом.

– Вы, разумеется, совершенно правы. С точки зрения анатомии это просто какое-то издевательство. Но что меня заинтересовало, так это грудная клетка, которая сопряжена с позвоночником совершенно правильным образом, и в особенности череп.

Гилфорд снова пригляделся к скелету. Ребра и брюшной хребет безусловно дарвинианские: стандартное обратное расположение, U-образный позвоночник с глубокой хордальной ямкой. Сам череп вытянутый, отдаленно напоминающий бычий, с высоким объемистым сводом. Коварный хищник.

– Думаете, они подлинные?

– Подлинные в том смысле, что это настоящие кости, а не сделанные из папье-маше и определенно не принадлежащие млекопитающему. Наш музейщик утверждает, что купил их у поселенца, который выкопал их на болоте в верховьях реки Ли, когда искал для обогрева что-нибудь подешевле угля.

– Значит, они относительно свежие.

– Относительно, хотя никто не видел живьем ни этого зверя, ни кого-либо, хотя бы отдаленно его напоминающего. Крупные хищники на континенте редкость. Доннеган сообщал о плотоядном животном размером с леопарда, замеченном им в горах Центрального массива, но ни о ком более крупном. И кого же тогда представляет собой этот экземпляр, мистер Лоу? Интересный вопрос. Недавно вымершего крупного охотника?

– Очень надеюсь, что вымершего. Он производит впечатление грозного существа.

– Грозного, и не исключено, что разумного, если судить по размерам черепа. Разумного по меркам животного мира. Если его сородичи до сих пор живы, нам вполне могут понадобиться пистолеты, которые так любит Финч. А если нет...

– Если нет?

– Ну о чем может говорить наличие вымерших видов, если континенту всего восемь лет?

Гилфорд решил, что выбирать слова для ответа следует очень тщательно.

– Вы полагаете, у континента есть история?

– Я не полагаю, я делаю логический вывод. О, это привычный спор – я просто хочу понять, какой позиции вы придерживаетесь.

– Беда в том, что у нас две истории. Континент один, а историй две. Я не знаю, как увязать их друг с другом.

Салливан улыбнулся:

– Неплохо для начала. Ну же, мистер Лоу? Вы за кого? За Елизавету Первую или за нашего костлявого приятеля?

– Я, разумеется, неоднократно об этом думал, но...

– Не уваливайте от ответа. Так за какой вы вариант?

- За оба, – ровным тоном произнес Гилфорд. – Не знаю почему... но за оба.
- Но разве это не исключено?
- По всей видимости, нет.
- Улыбка Салливана стала шире.
- Молодчина.

Значит, Гилфорд выдержал испытание, хотя мотивы пожилого ученого оставались для него неясны. Впрочем, Гилфорда это не смущало: ему нравился Салливан. Было приятно, что ботаник решил относиться к нему как к равному. Но больше всего Гилфорд радовался тому, что наконец вышел из лачуги таксидермиста на воздух. Впрочем, в лондонском порту пахло немногим лучше.

В ту ночь он в последний раз спал с Каролиной в одной постели.

«В последний раз до осени», – поправился Гилфорд мысленно, но особого утешения этот довод не принес. К тому же, как назло, Каролина была до обидного холодна с мужем.

Она была единственной женщиной, с которой Гилфорд спал. Он познакомился с ней в конторе Аттикуса и Пирса, когда ретушировал свои снимки для «Скалистогорских ископаемых сланцев». Его сразу же охватила инстинктивная нежность к отрешенной и грустной племяннице Пирса. Он добился, чтобы ее дядя коротко представил их друг другу, и в последующие недели захакивал в контору с таким расчетом, чтобы застать ее там: секретарша сообщила, что Каролина по средам обедает с дядюшкой. После одного из таких обедов Гилфорд перехватил ее и предложил проводить до трамвая. Она согласилась, глядя на него из-под короны роскошных волос, точно настороженная принцесса.

Настороженная и страдающая. Каролина так и не оправилась от потери родителей, которые погибли от Чуда. Впрочем, подобное горе было не у нее одной. Гилфорд обнаружил, что способен вызывать у девушки улыбку, по крайней мере изредка. В те дни ее молчание было скорее союзником, нежели врагом; за ним крылась более тонкая форма коммуникации. На этом неслышном языке Каролина сказала Гилфорду что-то вроде: «Мне плохо, но гордость не позволяет признать это. Ты поможешь мне?» А он ответил: «Я дам тебе безопасность. Я дам тебе дом».

И вот теперь он лежал без сна, время от времени прислушиваясь к грохоту проезжающей по ночной улице одинокой телеги, ватным кряжем одеяла отделенный от любимой женщины. Можно ли нарушить обещание, которого не давал? Правда в том, что он так и не обеспечил Каролине безопасность. Слишком далеко и слишком часто уезжает от нее: сначала на запад, а теперь на Дарвинию. Он подарил ей прекрасную дочь, но привез обеих на этот чуждый берег, где должен их покинуть со дня на день... ради то ли истории, то ли науки, то ли своих собственных безрассудных мечтаний.

Гилфорд твердил себе, что так уж устроены мужчины, что они поступали подобным образом во все времена и если бы оглядывались на жен, то человечество до сих пор не спустилось бы с деревьев. Но правда всегда была намного сложнее и затрагивала вещи, думать о которых не хотелось. Пожалуй, к этим вещам следует отнести просыпающиеся время от времени воспоминания об отце, чей упорный прагматизм свел его в могилу раньше срока.

Каролина уже спала, ну или почти спала. Он положил ладонь на изгиб ее бедра, и этот жест означал: «Я обязательно вернусь». Она сонно свернулась калачиком, нельзя сказать, что совсем равнодушно, и это означало: «Посмотрим».

Утро они провели как чужие друг другу люди.

Каролина и Лили поехали провожать его на пристань, где беспокойно покачивался на волнах «Аргус». Вокруг тронутого оспинами ржавчины корпуса плавали клочья холодного тумана.

Гилфорд обнял Каролину, чувствуя себя бессловесным чурбаном; потом Лили забралась к нему на руки, прижалась мягкой щекой к его щеке и сказала:

– Только возвращайся поскорее.

Гилфорд пообещал, что вернется.

Ну хотя бы Лили ему верит.

Он поднялся по трапу на борт и обернулся, чтобы помахать на прощание, но жена с дочкой уже растворились среди людей, которыми была запружена пристань. «Быстро же это вы, – подумал Гилфорд. – Ох и быстро...»

«Аргус» прокладывал себе в тумане путь через Ла-Манш. Гилфорд предавался мрачным размышлениям в каюте, пока сквозь туман не пробилось солнце и Джон Салливан не велел ему подняться на палубу, чтобы увидеть континент в утреннем свете.

Взгляду Гилфорда предстало лесистое болото, причесанное западным ветром, – соленые марши в бескрайней дельте Рейна. Там и сям, подобные фантастическим памятникам, возвышались строматолиты, а флейтовые деревья заселили дельту повсюду, где слой ила был достаточно толстым, чтобы питать их змеистые корни. Почтовый пароход шел по неглубокому, но расчищенному от водной растительности фарватеру – на небольшой скорости, поскольку промеры были неточными, а иловые наносы после штормов нередко смещались, – в направлении более густого массива зелени вдаль. Джефферсонвилль вначале был смутным пятнышком дыма на плоском зеленом горизонте, потом грязным мазком, потом бурым скоплением лачуг, построенных на заросших тростником буграх или уместившихся на сваях там, где почва была достаточно твердой. Повсюду виднелись грубо сколоченные причалы и крохотные лодчонки, резко пахло солью, рыбой, пищевыми отбросами и человеческими испражнениями. Каролина нашла Лондон примитивным; видела бы она Джефферсонвилль! Этот городишко как вывешенное на столбе предупреждение: «Здесь кончается цивилизация. Дальше начинается анархия Природы».

На воде у обвешанных сетями причалов покачивалось множество рыбацких лодок, каноев и плотов, на скорую руку сколоченных из дарвинианской древесины, но единственным судном, не уступавшим размерами «Аргусу», была американская канонерка, стоящая под парами.

– А вот и корабль, который повезет нас дальше, – сказал подошедший Салливан. – Мы тут надолго не задержимся. Пока Финч будет выражать почтение военным, мы займемся поиском проводника.

– Мы? – переспросил Гилфорд.

– Вы и я. Потом сможете расчехлить свою камеру. Запечатлеете нас всех на пристани. «Погрузка на судно в Джефферсонвилле». Будет вдохновляющее фото. – Салливан хлопнул Гилфорда по спине. – Выше нос, мистер Лоу. Это настоящий новый мир, и вскоре на него ступит ваша нога.

Но здесь, на этих болотах, твердой земли, на которую можно ступить без опаски, почти не было. Приходилось передвигаться по дощатым настилам, рискуя ухнуть в трясины. Гилфорда очень интересовал вопрос, вся ли Дарвиния будет вот такой: голубое небо, гнущий деревья ветер, незримая угроза?

Салливан предупредил Финча, что они с Гилфордом отправляются на поиски проводника. Гилфорд перестал понимать, где они находятся, как только пристань скрылась за рыбацкими лачугами и высокими стволами минаретных деревьев. Но Салливан, похоже, отлично знал дорогу. Ботаник, по его словам, побывал здесь в 1918 году, каталогизировал болотных обитателей.

– Я помню город, хотя с тех пор он успел разрастись, и знаком со многими жителями.

Люди, мимо которых они проходили, выглядели неотесанными и опасными. Правительство начало выдавать подъемные и оплачивать переселение почти сразу же после Чуда, но для того, чтобы добровольно отправиться в эти края, надо было обладать определенным складом личности. Многие решились на этот шаг, потому что у себя на родине были не в ладах с законом.

Они выживали благодаря охоте, рыбной ловле и собственной смекалке. Судя по их внешнему виду, пресная вода и мыло были здесь в дефиците. Как мужчины, так и женщины носили грубую одежду, а волосы не стригли и не расчесывали. И тем не менее некоторые оборванцы поглядывали на Салливана и Гилфорда с насмешливым превосходством местных жителей над туристами.

– Нам нужен Том Комптон, – сказал Салливан. – Это лучший следопыт во всем Джефферсонвилле. Будем надеяться, что он не сложил где-нибудь голову и не ушел надолго в лес.

Том Комптон жил в деревянной хижине в отдалении от воды. Салливан, даже не постучавшись, ввалился в полуоткрытую дверь, – видимо, в Дарвинии так было принято. Гилфорд не без опаски последовал за ним. Когда его глаза привыкли к полумраку, он обнаружил, что стоит посреди скромно обставленного и пахнущего чистотой жилища. Дощатый пол был застелен половичком, по стенам развешены разнообразные рыболовные и охотничьи снасти. Том Комптон, здоровяк с обширной клочковатой бородой, неподвижно сидел в углу единственной комнаты. Темная кожа выдавала в нем метиса. На шее у него висело ожерелье из когтей. Рубаха была соткана из какого-то грубого местного волокна, а штаны оказались самыми обыкновенными джинсами, заправленными в высокие болотные сапоги. Он без энтузиазма покосился на гостей и взял со стола трубку с длинным чубуком.

– А не рановато ли сейчас для этого? – поинтересовался у него Салливан.

Том Комптон чиркнул деревянной спичкой и поднес ее к чашечке трубки.

– Ну, раз уж ты тут, значит самое время.

– Ты знаешь, зачем я пришел, Том?

– Слухи доходили.

– Мы экспедиция, отправляемся вглубь материка.

– Меня это не колышет.

– Я бы хотел, чтобы ты пошел с нами.

– Не могу.

– Мы планируем перейти Альпы.

– Меня это не интересует.

Он протянул трубку Салливану; тот затянулся дымом. Судя по запаху, это был не табак. Салливан передал трубку Гилфорду, и тот растерянно воззрился на нее. Может ли он вежливо отказаться, или это что-то вроде встречи вождей чероки, где раскуривание трубки заменяет рукопожатие?

Том Комптон засмеялся.

– Это высушенные листья речного растения, – пояснил Салливан. – Обладают слабым дурманящим воздействием, но до опиума им далеко.

Гилфорд осторожно взял шишковатую трубку. Дым отдавал запахом погреба. Фотограф сразу закашлялся, выпустив в воздух большую часть затяжки.

– Желторотик, – сказал Том Комптон. – Впервые в наших краях.

– Он всему научится.

– Научится, – хмыкнул следопыт. – Они все учатся. Если тутошняя природа не приканчивает их раньше.

Надышавшись дымом, Гилфорд почувствовал себя невесомым, а все заботы вдруг отступили на второй план. Время то замедлялось до улиточьей скорости, то скачками несло без

передышки. К тому моменту, когда он добрался до своей койки на борту «Аргуса», от событий дня в памяти остались лишь разрозненные обрывки.

Кажется, они с доктором Салливаном и Томом Комптоном отправились в портовую таверну, где подавали темное пиво в кружках, сделанных из стволов флейтовых деревьев. Стенки были пористыми, они начинали протекать, если кружки стояли наполненными слишком долго. По этой причине посуда опорожнялась с быстротой, каковая отнюдь не способствовала ясности мыслей. Не обошлось и без закуски: им подали какую-то дарвинианскую рыбу, распластannую на тарелке, точно дряблый черный скат. На вкус она была соленая и отдавала тиной. Гилфорд предпочел не налегать на нее.

Они спорили насчет экспедиции. Следопыт насмешливо утверждал: это всего лишь предлог, чтобы засветиться на континенте и заявить о территориальных претензиях Америки на его внутренние районы.

– Ты сам сказал, что этот ваш Финч – полный идиот.

– Он священник, а не ученый; он просто не понимает разницы. Но не идиот. Он спас трех человек из воды в каньоне Катаракт, а потом тащил того, который свалился с двусторонним плевритом, на своем горбу до самого Лис-Ферри. Это было десять лет тому назад, но я не сомневаюсь, что он, если придется, и завтра поступит точно так же. Он спланировал и снарядил эту экспедицию, и я, не задумываясь, доверил бы ему свою жизнь.

– Ну так сам и иди с ним вглубь континента, если так доверяешь.

– Я и иду. Лучшего спутника нельзя и желать. Да, как ученый, он пустое место – но даже в этом качестве может быть нам полезен. В Вашингтоне сейчас настроены по отношению к науке не слишком благосклонно: мы не сумели предсказать и не можем объяснить Чудо и кое для кого это практически равно нашей личной за него ответственности. Колоссам на глиняных ногах не слишком припеваючи живется на общественные деньги. Но мы можем предъявить Финча конгрессу как эталонный образец так называемой благочестивой науки, не представляющей никакой угрозы государству и Церкви. Мы отправимся вглубь континента и постараемся узнать о нем как можно больше – и, откровенно говоря, чем больше мы узнаем, тем более шаткой становится научная позиция Финча.

– Тебя в открытую используют. Как Доннегана. Ну да, тыполнишь свою коллекцию несколькими экземплярами. Но те, кто платит, хотят знать, насколько далеко продвинулись партизаны, есть ли в долине Рура уголь, а в Лотарингии – железная руда...

– Если мы разведем базы партизан или обнаружим выход антрацита на поверхность, что изменится? Это все равно случится независимо от того, перейдем мы через Альпы или нет. А так мы извлечем из сделки хоть какую-то пользу и получим новые сведения.

Том Комптон повернулся к Гилфорду:

– Салливан считает, что этот континент – загадка, которую мы можем разгадать. Столь же смелая идея, сколь и глупая.

– Ты забирался вглубь континента дальше, чем большинство трапперов, Том.

– Не намного дальше.

– Ты знаешь, чего ожидать.

– Если зайти достаточно далеко, никто не будет знать, чего ожидать.

– И тем не менее у тебя есть опыт.

– Да уж побольше, чем у тебя.

– Твои навыки были бы в экспедиции неоценимы.

– Мне и без вас есть чем заняться.

Они некоторое время пили в молчании. Но после очередного круга пива разговор принял философский оборот.

– А вас-то сюда за каким чертом понесло, мистер Лоу? – осведомился следопыт у Гилфорда.

Его коричневое обветренное лицо со свирепым выражением напоминало медвежью морду.

– Я фотограф, – ответил Гилфорд.

Он жалел, что не захватил камеру, – до смерти хотелось снять Тома Комптона. Этого дикого зверя с выдубленным солнцем морщинистым лицом, заросшим бородой по самые глаза.

– Я в курсе, чем вы занимаетесь, – отрезал следопыт. – Я спрашиваю, почему вы здесь?

Ради карьеры. Чтобы сделать себе имя. Чтобы вернуться с фотографиями, запечатленными в стекле и серебре, показать людям речные заводы и горные луга, которых никто прежде не видел.

– Сам не знаю, – услышал Гилфорд собственный голос. – Из любопытства, наверное.

Том Комптон воззрился на Гилфорда так, будто тот признался, что болен проказой.

– Люди бегут сюда от чего-то, мистер Лоу, или за чем-нибудь. Чтобы подзаработать денег жат или, как Салливан, узнать что-то новое. Но вот такие незнйки, как вы, – они самые опасные.

Когда Гилфорд совсем уже засыпал, убаюканный качкой, откуда-то вдруг всплыло еще одно воспоминание: Салливан с Томом Комптоном обсуждают здешнюю глушь. Следопыт предостерегает: реки нового континента текут по своим руслам, не всегда совпадающим с теми, что обозначены на старых картах, местная живность опасна, а добывать пропитание так сложно, что выступать в путь без запаса провизии – все равно что пытаться налегке пересечь пустыню. Не стоит забывать и про безымянные лихорадки, зачастую смертельные. Что же до перехода через Альпы – ну да, сказал Том, у немногочисленных трапперов и следопытов возникала мысль насчет перевала Сен-Готард, так что она не нова. Всякие ходят истории, и про нечистую силу, и про другие страсти («Редкостный вздор», – презрительно фыркнул Салливан), – может, и вздор, но все равно этого хватало, чтобы любой нормальный человек одумался... («Ну, к тебе-то это никаким боком не относится», – вставил Салливан, и Том ухмыльнулся в ответ: «И к тебе тоже, старый безумец».) Так что Гилфорду оставалось лишь гадать, к какому молчаливому соглашению пришли эти двое и что может ждать экспедицию в сердце огромной страны, не нанесенной ни на одну карту.

Глава 6

«Ну, наконец-то Англия», – подумал Колин Уотсон.

Но на самом деле это никакая не Англия, так ведь? Канадский грузовой пароход, пытаясь продвигаться по широкой дельте Темзы. За бортом колыхались приливные воды цвета зеленого чая: ни дать ни взять тропики, по крайней мере в эту пору года. Бомбей или Бихар. И уж точно не родной Лондон.

В трюмах под палубой ждал своего часа груз. Уголь из Южной Африки, Индии, Австралии, драгоценный товар в эпоху мятежей и дряхлеющей империи. Инструменты и заготовки из Канады. И сотни аккуратно уложенных в ящики винтовок «ли-энфилд» с фабрики в Альберте, следующие в Причуду Китченера в Новом Лондоне, – в укромное место в глуши, где им надлежит храниться в ожидании дня, когда на английский престол вновь взойдет английский король.

За винтовки Уотсон отвечал лично. Как только судно пришвартовалось к примитивной пристани, он приказал своим людям – горстке сикхов и ворчливых канадцев – поднять ящики на палубу, а сам отправился в портовое управление подписывать грузовую декларацию.

Стояла удушливая жара, и этот кустарный деревянный городишко, конечно же, в подметки не годился Лондону. И тем не менее, оказавшись здесь, Уотсон со всей полнотой ощутил реальность Преображения Европы, которое раньше представлялось ему чем-то бесконечно далеким и столь же бесконечно странным и неправдоподобным. Как детская сказка, если не считать того неоспоримого факта, что оно сопровождалось множеством смертей.

Это совершенно определенно не та страна, из которой он уехал десять лет назад.

Весьма посредственно отучившись в средней школе, он прошел курс военной подготовки в кадетском корпусе в Вулидже: сменил одну казарму на другую, латинские склонения на артиллерийские маневры. В своей наивности он ожидал чего-то в духе репортажей Джорджа Хенти: благородного героизма, повстанцев-ндебеле, разбегающихся при виде его сабли. Вместо этого он оказался в каирских пыльных казармах, где приглядывал за толпой скукающих пехотинцев вплоть до той самой ночи, когда небо залилось ослепительным огнем и земля содрогнулась, стряхнув с себя, среди всего прочего, и британский протекторат над Египтом. Жизнь там проходила бесцельно, но утешением ему были дружба и крепкая выпивка, а также, пусть и более слабым, Бог и отечество – до 1912 года, когда стало очевидным, что Бог – фикция, а если Он все-таки существует, то наверняка люто ненавидит англичан.

Уцелевшие британские вооруженные силы были сосредоточены на том, чтобы сохранить имперские владения в Индии и Южной Африке. Южная Родезия пала, ее столица Форт-Солсбери полыхала, как осенний костер; Судан с Египтом перешли в руки мусульманских повстанцев. Уотсона вытащили из враждебных развалин Каира и посадили на чудовищно переполненный войсковой транспорт, направлявшийся в Канаду. Несколько месяцев он провел на перевалочном пункте в лесах Британской Колумбии и наконец был переведен в захолустный городок посреди прерии, где британское правительство в изгнании под предводительством Китченера построило фабрику по производству стрелкового оружия.

До 1912 года Уотсона нельзя было назвать выдающимся офицером. Он изменился или это армия изменилась? Он стал образцовым представителем офицерского сословия: вел монашеский образ жизни, с поразительным стоицизмом выносил как суровые зимние холода, так и изматывающий летний зной. Тот факт, что Уотсон запросто мог закончить свои дни на плахе у махдистов, научил его некоторой скромности. В конце концов его откомандировали в Оттаву, где набирала ход Реконструкция и ощущалась острая нехватка военных инженеров.

Процесс, получивший название Реконструкция, еще называли Причудой Китченера: строительство нового Лондона на берегах реки, которая лишь отдаленно напоминала Темзу. Возведение Иерусалима в диком и опасном краю. Это всего лишь красивый жест, утверждали

критики, но даже он был бы невозможен, если бы не потрепанные, но все еще могущественные военно-морские силы Великобритании. Соединенные Штаты бесцеремонно заявили, что Европа должна быть «свободной и открытой для реколонизации без границ» – так называемая доктрина Уилсона на практике означала американскую гегемонию, американский Новый Свет. Недобитые немецкие и французские власти, обессиленные препирательствами о законности и потере европейских ресурсов, уступили после первой же небольшой перестрелки. Китченеру удалось выторговать исключение для Британских островов, что вызвало новые возмущения. Но обломки Старой Европы, лишенные хоть какого-то подобия прочной промышленной базы, едва ли могли что-то противопоставить объединенной мощи британских ВМС и американского Великого Белого флота.

Ну и все, на этом точка. Но, подумалось Уотсону, не окончательная. Вот, к примеру, взять этот гражданский грузовой пароход и его военный груз. Секретная поставка партии оружия из Галифакса в Лондон. Судя по всему, там накапливается арсенал, и это не первый такой рейс по тайному приказу Китченера и наверняка не последний. Уотсон понятия не имел, зачем Новому Свету столько винтовок, «максимов» и минометов... если только мир не такой уж и мирный, каким кажется.

Плавание протекало без происшествий. Море было спокойным, а небо таким безоблачным, что казалось отчеканенным на синем металле. Все свободное время, которого Уотсону досталось с лихвой, он размышлял о своей судьбе. В отличие от многих он пережил трагедию 1912 года сравнительно легко. Родители умерли еще до Преображения, братьев и сестер у него никогда не было, жены и детей тоже, так что оплакивать ему нечего. Разве что былой образ жизни. От прошлого остался багаж тускнеющих воспоминаний. Оно было бурное, это прошлое, и годы пролетели с ужасающей быстротой. Наверное, оно и к лучшему, что в конце концов Уотсона снова занесло в Англию – в эту новую Англию, в эту кипящую псевдо-Англию. В это раскаленное невзрачное здание портовой администрации, в припорошенный серой пылью пакгауз.

Уотсон назвался, его провели в какое-то помещение и представили коренастому торговцу из Южной Африки, который изъявил готовность предоставить принадлежащее ему складское строение для хранения оружия, пока его не будут готовы принять в Арсенале. Звали его Пирс. Джеред Пирс.

Уотсон протянул руку:

– Рад с вами познакомиться, мистер Пирс.

Южноафриканец стиснул кисть Уотсона своей огромной лапищей.

– Взаимно, сэр, взаимно.

Каролина боялась Лондона, но невыносимо скучала в четырех стенах дядиной тесной лавки. Время от времени она брала на себя обязанности тетушки Алисы и ничего не имела бы против этого, не будь у нее на руках Лили. Каролина не хотела, чтобы девочка в одиночестве играла на улице, в густой пыли и в опасной близости от ужасных сточных канав, но дома малютка вела себя ужасно, гоняя кошку или устраивая игрушечные чаепития с фарфоровыми статуэтками Алисы. Когда тетушка предложила приглядеть за Лили, пока Каролина отнесет Джереду в порт обед, та с радостью ухватила за возможность перевести дух. Она чувствовала себя неожиданно вырвавшейся на свободу и восхитительно одинокой.

Каролина пообещала себе не думать сегодня о Гилфорде и попыталась сосредоточиться на чем-нибудь другом. Ватага чумазных английских ребятишек – подумать только, младший из них вполне мог родиться в этом чудовищном месте! – пронеслась мимо нее. Один тащил за собой на веревке кустового прыгуна; все шесть бледно-зеленых лап лихорадочно работали, темные глаза испуганно вращались. Может, это не так уж и плохо, что животное боится. Не так уж и плохо, что в этом получеловеческом мире страх работает в обе стороны.

Мысль из разряда тех, которыми Каролина никогда не поделится с Гилфордом.

Но Гилфорд уехал. «Ну признай же это наконец», – приказала себе Каролина. Только несчастье способно заставить его вернуться раньше осени – и способно ли? Она полагала, что муж уже добрался до сердца Дарвинии, места еще более чуждого, чем эта мрачная тень Лондона.

Каролина перестала ломать голову, зачем ему это понадобилось. Он раз за разом терпеливо ей объяснял, и его ответы даже казались логичными на первый взгляд. Но Каролина знала, что им движут и другие мотивы, мощные, как приливная волна. Дарвинианская глушь позвала, и Гилфорд сбежал к ней, не страшась диких животных, бурных рек, лихорадок и бандитов. Как несчастный мальчишка сбегает из дома.

А ее оставил здесь. Она ненавидела эту Англию, ненавидела даже за то, что приходится так ее называть. Ненавидела ее звуки, как гомон человеческой торговли, так и шумы природы – их намного сильнее! – которые проникали в окно по ночам. Источники этих звуков оставались для нее полнейшей загадкой: стрекот, какой издают насекомые, вой, похожий на скулеж раненой собачонки. Ненавидела этот смрад, эти ядовитые леса и кишашие жуткими тварями реки. Лондон – тюрьма, которую стерегут чудовища.

Она свернула на тропку, бежавшую вдоль реки. Канавы и сточные трубы несли нечистоты в Темзу; над рекой кружили голодные чайки. Каролина равнодушно посматривала на речную суету. Вдали иловая змея высунула из бурой воды голову на изогнутой вопросительным знаком крапчатой шее. Портовые краны разгружали барк – благодаря ценам на уголь парусная эпоха переживала новый рассвет, хотя паруса этого судна были убраны и терялись в хитросплетении такелажа. Грузчики – одни без головных уборов, другие в тюрбанах – возили на бесчисленных тачках и тележках ящики; телеги сонно ждали своего часа на солнцепеке у затененных погрузочных площадок. Каролина переступила порог здания портовой администрации, где воздух был спертым, но все же чуть более прохладным.

Джеред встретил ее и забрал судок с обедом. Поблагодарив племянницу в своей всегдашней рассеянной манере, он сказал:

– Передай Алисе, что я буду дома к ужину. И не один.

Рядом с ним стоял высокий худой мужчина в аккуратной, но поношенной военной форме и откровенно поедая Каролину взглядом. Джеред наконец заметил этот взгляд.

– Лейтенант Уотсон? Это Каролина Лоу, моя племянница.

Лейтенант с серьезным выражением лица кивнул ей:

– Мисс.

– Миссис, – поправила она его.

– Миссис Лоу.

– Лейтенант Уотсон некоторое время поживет у нас в подсобке.

«О, в самом деле?» – подумала Каролина и удостоила лейтенанта более внимательным взглядом.

– Казармы в городе переполнены, – пояснил Джеред. – Мы иногда берем квартирантов. Ради короля и отечества, так сказать.

«Это не мой король, – подумала Каролина. – И отечество тоже не мое».

Глава 7

– Вы знаете, – сказал профессор Рэндалл, – мне, пожалуй, больше нравился прежний Бог. Тот, который воздерживался от чудес.

– В Библии говорится о чудесах, – напомнил ему Вейл.

Когда профессор пил, а этим он занимался большую часть времени, его тянуло на мрачные богословские рассуждения. Сегодня Рэндалл разглагольствовал в кабинете Вейла. Пуговицы на животе еле сдерживали готовый лопнуть жилет; на лбу выступили бисеринки пота.

– Вот лучше бы они все там и оставались. – Рэндалл глотнул дорогого бурбона; Вейл и покупал его с прицелом на профессора. – Пусть бы Господь карал жителей Содома. А бельгийцев можно было и не трогать.

– Осторожнее, доктор Рэндалл. Как бы Он не покарал вас.

– Полагаю, Он давным-давно воспользовался бы этим правом, если бы хотел. По-вашему, я богохульствую, мистер Вейл? Что ж, тогда позвольте мне побогохульствовать еще немного. Я очень сомневаюсь, что гибель Европы была актом Божественного вмешательства, что бы там ни говорили церковники.

– Это не слишком-то популярное мнение.

Рэндалл покосился на задернутые шторы, потом на заставленные книгами полки.

– А я тут выступаю перед широкой аудиторией?

– Никоим образом.

– Как по мне, это было стихийное бедствие. Чудо, я имею в виду. Да, явно стихийное бедствие какого-то неизвестного нам характера, но если человек никогда не видел и даже не слышал, скажем, о торнадо, не покажется ли оно ему тем же чудом?

– Любое стихийное бедствие – проявление Божьей воли.

– А на самом деле торнадо – всего лишь погодное явление, в котором сверхъестественного ничуть не больше, чем в весеннем дожде.

– Не больше, но и не меньше. А вы скептик.

– А кто не скептик? Правда ли, что Господь наклонился и оставил на Земле отпечаток своего пальца, доктор Вейл? Уильяма Дженнингса Брайана глубоко волновал этот вопрос, меня же он не волнует ни капли.

– В самом деле?

– Не в этом смысле. О, многие сделали себе карьеру в политике на религиозности и страхе перед чужаками, но долго такое не продлится. Чтобы все время поддерживать кризис, не хватит ни чудес, ни чужаков. Настоящий вопрос заключается в том, сильно ли мы пострадаем в процессе. Я имею в виду политическую нетерпимость, драконовские поборы, даже войну.

Вейл чуть приоткрыл глаза – это было единственное, что выдавало вспыхнувший в нем огонек возбуждения. Боги наострили уши.

– Войну?

Рэндалл вполне может что-то знать про войну. Он куратор в Смитсоновском институте, но в его обязанности входит и сбор средств от имени этого заведения. Он вхож в комитеты конгресса и имеет друзей на Капитолийском холме.

Не поэтому ли бог Вейла заинтересовался Рэндаллом? Один из парадоксов служения богу заключается в том, что ты далеко не всегда понимаешь его цели и средства. Вейл знал лишь одно: на кону стоит нечто такое, в сравнении с чем его собственные честолюбивые устремления ничтожны. Для того чтобы могли осуществиться какие-то эпохальные планы, он должен втереться в доверие к этому циничному толстяку; что ж, он это сделает. И получит награду. Его бог обещал. Вероятно, это будет вечная жизнь. А покамест – достойное существование.

– Войну, – подтвердил Рэндалл, – или, по крайней мере, какие-то военные учения, чтобы поставить британцев на место. Вы слышали что-нибудь об экспедиции Финча?

– Разумеется.

– Если на экспедицию Финча нападут партизаны, конгресс поднимет шум и обвинит во всем англичан. Начнется бряцание оружием. Погибнут молодые люди. – Рэндалл склонился к Вейлу. Дряблая кожа у него на шее висела толстыми складками. – Скажите, ведь это же неправда? Что вы можете говорить с мертвыми?

Ну наконец-то приоткрылась дверца. Вейл только улыбнулся:

– А вы сами как думаете?

– Как я думаю? Я думаю, что передо мной ловкий мошенник, который прикидывается чистеньким и которому ничего не стоит охмурить вдову. Не в обиду вам будь сказано.

– Тогда почему вы спрашиваете?

– Потому... Потому что теперь все по-другому. Думаю, вы понимаете, о чем я.

– Сомневаюсь.

– Я не верю в чудеса, но...

– Но?

– Столько всего изменилось. Политика, деньги, мода – и географическая карта, разумеется, – но не только. Я общаюсь с людьми, с определенными людьми, и теперь в их глазах появилось нечто такое... нечто новое. И в лицах тоже. Как будто у них есть секрет, который они скрывают даже от самих себя. И это меня тревожит. Видите, мистер Вейл, я начал как скептик, а заканчиваю как мистик. Скажите спасибо бурбону. Но позвольте спросить еще раз. Вы общаетесь с мертвыми?

– Да, общаюсь.

– Правда?

– Правда.

– И что же мертвые рассказывают вам, мистер Вейл? О чем они говорят?

– О жизни. О судьбах мира.

– А подробности?

– Бывают и подробности.

– Вижу, вы настроены говорить загадками. Знаете, моя жена умерла. В прошлом году от пневмонии.

– Я знаю.

– Могу я с ней поговорить? – Рэндалл поставил стакан на стол. – Это действительно осуществимо, мистер Вейл?

– Возможно, – отозвался тот. – Посмотрим.

Глава 8

У военных в Джефферсонвилле имелся пароходик с малой осадкой, способный довести экспедицию Финча до конца судоходной части Рейна, но отправление пришлось отложить, поскольку лоцман и большая часть экипажа слегли с континентальной лихорадкой. Об этом недуге Гилфорд практически ничего не знал.

– Болотная болезнь, – пояснил Салливан. – Изнурительная, но редко приводящая к смерти. Эта задержка ненадолго.

И впрямь через несколько жарких дней судно было готово к отплытию. Гилфорд установил свои камеры на плавучем деревянном пирсе: не только громоздкую пластиночную штуквину, но и аппарат ящичного типа с рулонной фотопленкой. Со времен Чуда фотография в своем развитии не сильно шагнула вперед: затяжные стачки 1915 года привели к тому, что большую его часть заводы «Истмен кодак» простояли закрытыми, а здание фабрики «Хокай воркс» в Рочестере сгорело дотла. Однако по нынешним меркам обе камеры были весьма современными и изящными. Гилфорд собственноручно раскрасил несколько пластинок, привезенных из экспедиции в Монтану, и был намерен поступить точно так же в отношении отснятого в Дарвинии материала, поэтому крайне тщательно все задокументировал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.